

библиотека
журнала

ИСТОРИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ АНТРОПОЛОГИЯ

неприкосновенный
запас

Чужими голосами

Память о крестьянских
восстаниях эпохи
Гражданской войны

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Коллектив авторов

**Чужими голосами. Память
о крестьянских восстаниях
эпохи Гражданской войны**

«НЛО»

Коллектив авторов

Чужими голосами. Память о крестьянских восстаниях эпохи
Гражданской войны / Коллектив авторов — «НЛО»,
— (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-44-482105-3

Крестьянские восстания эпохи Гражданской войны занимают важнейшее место в истории становления советской власти, оставив глубокий след в культурной памяти следующих поколений. За прошедшие сто лет акценты и способы описания крестьянских протестов несколько раз радикально менялись – от официальной советской трактовки выступлений как «кулацко-эсеровских мятежей» до романтизации повстанцев в период перестройки. Большевицкая цензура и постепенное исчезновение деревенского мира привели к тому, что история народных выступлений тех лет рассказана в основном «чужими голосами». Данная коллективная монография исследует особенности сохранения и передачи памяти об этих событиях. Какие процессы, связанные с памятниками и местами коммеморации, происходили на протяжении последних ста лет? Как передавались устные воспоминания от старших поколений к младшим? Как менялась за это время частная и семейная память? Какое влияние массовая культура оказывает на историческую память о восстании? Ответы на эти вопросы авторы освещают на примере Тамбовского и Западно-Сибирского восстаний и ряда других выступлений. Многие мемуарные источники, интервью и архивные документы, используемые авторами, вводятся в научный оборот впервые.

ISBN 978-5-44-482105-3

© Коллектив авторов
© НЛО

Содержание

ВВЕДЕНИЕ I	7
Часть I. Память и места коммеморации	15
ГЛАВА 1. ИНЖАВИНО: КАМЕНЬ АНТОНОВА, ТАНК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И КУСТ СИРЕНИ	15
ГЛАВА 2. УВАРОВО: «НАС ЧТО-ТО ДОЛЖНО ОБЩЕЕ ОБЪЕДИНЯТЬ»	34
ГЛАВА 3. ПОХОРОНЫ РЕВОЛЮЦИИ: МЕМОРИАЛЬНЫЕ КЛАДБИЩА 1920-Х ГОДОВ	57
Часть II. Память и тексты	65
ГЛАВА 4. НОВОРУСАНОВО: СВОИ	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чужими голосами. Память о крестьянских восстаниях эпохи Гражданской войны

Посвящается памяти Т. Шанина. С надеждой на то, что настанет время, когда гражданские и прочие войны, а также массовые убийства станут исключительно достоянием прошлого

ВВЕДЕНИЕ¹

Кравченко А. В., Ломакин Н. А.

Тема крестьянских выступлений периода Гражданской войны² не нуждается в представлении широкому читателю. В последние 30 лет вышло множество первоклассных трудов, посвященных ей, – монографий³, сборников статей и документов, изданий источников⁴. Благодаря работе исследователей этот еще недавно полускрытый и плохо осознаваемый пласт истории становится все более изученным. Географический ареал, история отдельных выступлений, социальный состав участников восстаний, их лозунги, отношения внутри народных армий и дружин, действия красноармейцев против восставших – все это постепенно обретает более отчетливые черты. Важную роль в этом играет проделанная за эти десятилетия огромная работа в архивах, наконец открытых исследователям, и публикация источников.

Особенность нашей коллективной монографии в том, что ее авторы изучают не историю восстаний как таковых, а тот след, который эта история оставила в памяти разных поколений: как о них вспоминали сразу после завершения, спустя десятилетия, спустя столетие. Авторы интересуют не боевые столкновения между повстанцами и их противниками, не социальные предпосылки выступлений или их характер, а памятники, художественные и краеведческие сочинения, публикации в прессе и то, как люди вспоминают и забывают о событиях Гражданской войны и восстаний.

В разговоре о памяти мы опираемся на теоретические представления А. Ассман, которая выделяет три измерения памяти: нейронное, социальное и культурное⁵. В рамках настоящего издания в фокусе внимания оказываются последние два: социальная и культурная память. По А. Ассман, ключевым носителем социальной памяти является социальная коммуникация, а культурной памяти – символические медиаторы. Социальная коммуникация – передача памяти «из уст в уста» – может, например, оставлять следы в виде зафиксированных интервью,

¹ Работа над этой коллективной монографией выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

² Здесь и далее мы пишем «Гражданская война» с заглавной буквы, подчеркивая таким образом, что речь идет о событиях определенной гражданской войны – являющейся следствием распада Российской империи.

³ Например: *Осинова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Алексин П. Ф.* Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1920–1921 годах: истоки, основные этапы, формы социально-политического протеста. М.: Голос-Пресс; *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье 1918–1922. М.: Янус-К, 2001; *Телицын В. Л.* «Бессмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003; *Климин И. И.* Российское крестьянство в годы гражданской войны (1917–1921). СПб., 2004; *Landis E. C.* Bandits and partisans: the Antonov movement in the Russian Civil War. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2008; *Соколов К.* Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917 – 1922 гг. М., 2017; *Борисов Д. А.* Колесниковщина. Антикоммунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920–1921 гг. М., 2018; *Посадский А. В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М., 2018.

⁴ Например: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998; За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921. Сборник документов / Сост. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2000; Сибирская Вандея. Документы: В 2 т. / Сост. В. И. Шишкин. М., 2000–2001; Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 2002; Крестьянское движение в Саратовской губернии: Сб. док-тов и мат-лов / Авт.-сост. А. Рыбков. Саратов, 2003; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине в 1919–1921 гг.: документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 2007; «Антоновщина»: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Тамбов, 2007; История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011; Крестьянский фронт 1918–1922. Сборник статей и материалов / Сост. А. В. Посадский. М., 2014; Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2018; Крестьянские протесты в Сибири в годы революции и Гражданской войны. Коллективная монография / Под ред. И. В. Курьшева. Ишим: ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018.

⁵ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 29–34.

писем, дневников, в которых люди размышляют о прошлом. Символические медиаторы – это произведения литературы и публицистики, кинофильмы, мемориалы и пр. Также может идти речь о «коллективной памяти», под которой понимается «формат памяти, связанный с сильными императивами лояльности и крайне унифицирующей „Мы“-идентичностью»⁶. Используемый авторами книги термин «историческая память» не связан с методологией А. Ассман. Однако мы сочли возможным использовать его в значении совокупности разных форм памяти о хронологически отдаленных событиях.

А. Ассман считает, что передача информации через социальную коммуникацию может осуществляться в пределах трех или четырех поколений (то есть 80–100 лет)⁷, а культурная память не имеет ограничения по времени. Это, впрочем, не означает, что с годами происходит только однонаправленный переход от памяти социальной к памяти культурной. Культурная память через производимые ею символические медиаторы влияет на социальную. Известные произведения литературы, кино, живописи, монументы могут служить отправной точкой социальной коммуникации и тем самым расширять горизонт социальной памяти.

В обыденной жизни память сталкивается с огромным количеством ограничений и предписаний о том, как вспоминать можно, а как – нельзя или не подобает. Такие ограничения распространяются и на социальную, и на культурную память, хотя механизм их работы различается. Обративший внимание на влияние подобных ограничений на память М. Хальбвакс предложил называть их социальными рамками памяти⁸. Динамика изменения рамок памяти в СССР и постсоветской России – одна из ключевых проблем для авторов этой книги.

Авторы глав книги также обращаются к таким категориям, как «поминовение», «памятование» и «коммеморация». Под поминовением и коммеморацией подразумевается набор практик (ритуалов, традиций), направленных на воссоздание связи между настоящим и прошлым. Памятование же понимается нами как более широкая категория, включающая не только регулярные практики, но и ситуативное воспроизводство памяти в любых формах.

Еще одной важной для нас категорией является забвение. Памятование и забвение мы понимаем не как противоположные, а как взаимодополняющие явления. Провести грань между ними зачастую бывает сложно или вовсе невозможно. Поэтому в рамках книги память и забвение рассматриваются как части единого процесса по отбору и отсеву того, что оказывается в (со)обществе стоящим или не стоящим сохранения.

Коллективная монография «Чужими голосами» сосредоточена прежде всего на памяти о событиях двух масштабных крестьянских восстаний: Тамбовского (1920–1921) и Западно-Сибирского (1921–1922)⁹. Произошедшие почти одновременно, эти восстания являются частью гораздо более широкого как географически, так и хронологически процесса вооруженных выступлений крестьян. Границы и характер этого процесса можно описывать по-разному, следуя, например, за выдвинутой В. П. Даниловым и поддержанной Т. Шаниным концепцией «крестьянской революции»¹⁰ 1902–1922 годов или апеллировать к идее «великой крестьян-

⁶ Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 33.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

⁹ Нередко Западно-Сибирское восстание также называют Ишимским, но в сборнике мы предпочли использовать именно первое название – прежде всего из-за полицентризма выступления (район Ишима был важным, но не единственным центром этого повстанческого движения). Тамбовское восстание нередко также называют Антоновским восстанием или антоновщиной. В обоих случаях стоит иметь в виду, что границы выступлений не совпадали как с прежними, так и с нынешними административными единицами (губернии, области и т. п.).

¹⁰ В. П. Данилов и Т. Шанин говорили о крестьянском движении как глубинной основе революционных потрясений, происходивших в России в первые десятилетия XX века. Завершением крестьянской революции становился период начала 1920-х годов, когда советская власть была вынуждена пойти на заметные уступки крестьянству в рамках НЭПа. Коллективизация же по сталинской модели рассматривается ими как форма контрреволюции (Данилов В. П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23).

ской войны»¹¹, позднее предложенной А. Грациози. В то время как фактическая история обоих восстаний представляется сейчас уже довольно хорошо изученной, современная и советская память о них лишь в последнее время становится объектом исследований¹².

Фокус на этих двух восстаниях – одинаково знаковых для начала 1920-х и столь поразному вспоминаемых в начале XXI века – сборник унаследовал от проекта «После бунта: память о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях»¹³, в котором участвовала заметная часть авторов книги, которую вы сейчас читаете. В рамках проекта в 2018 году исследователи собрали корпус из около двух сотен интервью в Тамбовской и Тюменской областях, была проведена фотофиксация многих сельских памятников, изучена местная периодика, собрана библиография краеведческой литературы. Респондентами были современные жители городов и деревень разного возраста – от 20 до 100 лет¹⁴. В большинстве случаев исследователи брали интервью у людей, которые в силу работы, увлечений или социального статуса (старожилы, хранители памяти) могли сказать что-то определенное о событиях восстаний или традиции поминовения¹⁵.

При анализе материалов, собранных в рамках этого проекта, и родилась идея настоящего издания. Основной акцент на памяти о событиях крестьянских восстаний именно в Западной Сибири и Тамбовской губернии был сохранен, но для задания более широкого контекста нам показалось уместным включить в книгу и главы, исследующие память о схожих по многим параметрам выступлениях (семеновцев в трансграничных регионах, Казымском восстании), а также уделить внимание общим тенденциям формирования мемориальной культуры. Несколько иной фактический материал и исследовательская оптика этих глав позволяют прояснить многие процессы, которые характерны для памяти о крестьянских восстаниях. Кроме того, благодаря этим главам память о восстаниях встраивается в более широкий контекст культурной политики и политики памяти.

Для исследователя памяти крестьянские восстания представляют весьма необычный материал. Коротко говоря, в условиях устанавливающегося советского строя уже в начале 1920-х и социальная коммуникация, и культурная память отражали односторонний и очень специфический образ восстаний – образ, заданный победившей в Гражданской войне стороной и активно внедряемый через разнообразные государственные и партийные институты. Этот образ – представления восстаний как кулацко-эсеровских мятежей – был в большей степени продуктом внутренней эволюции большевистской идеологии, чем результатом консен-

¹¹ А. Грациози предлагала рассматривать «великую крестьянскую войну» как процесс борьбы формирующегося большевистского режима с крестьянством. Эта борьба становилась одновременно следствием и причиной значительного социального регресса, происходившего в это время в обществе (*Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001).

¹² *Головашина О. В.* «В борьбе обретишь ты память свою»: Антоновщина в представлениях современных тамбовчан // Диалог со временем. 2020. Вып. 70; *Кравченко А. В., Ломакин Н. А., Склез В. М., Соколова А. Д.* Парадоксы темпоральности: память о крестьянских восстаниях 100 лет спустя // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 144–165; *Кравченко А. В.* «А потом забылось»: предпосылки забвения локальных событий Гражданской войны в с. Красново // Шаги. 2021. Т. 7. № 1. С. 99–116. Нельзя не упомянуть также две важные статьи, касающиеся изучения соответственно памяти крестьянства о событиях первой трети XX века и новеллизации Гражданской войны в крестьянских устных нарративах. А именно: *Щеглова Т. К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008; *Козлова И. Е.* Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: РОССПЭН, 2016; *Виноградский В. Г.* Крестьяне и Гражданская война: дискурс новеллистики // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4. С. 70–85.

¹³ Поддержан грантом № 17-2-012905 Фонда президентских грантов для НКО.

¹⁴ В книге цитаты из интервью оформлены следующим образом: инициалы респондента, пол, возраст на момент взятия интервью, место проведения интервью, дата проведения интервью, имя и фамилия интервьюера. Если интервьюером является автор главы, его данные не указываются. Например: А. А., ж., 71 год, г. Ялуторовск Тюменской области, 01.01.2018 [интервьюер И. И. Иванов]; В. В., м., 25 лет, г. Тамбов, 02.02.2018. При расшифровке интервью тексты в целом ориентированы на литературные нормы русского письменного языка, но с сохранением некоторых наиболее ярких особенностей устной речи. Расшифровки интервью не всегда повторяют дословно (до междометий и запинаний) речь респондента, однако наиболее яркие особенности устной речи респондентов в ней отражены.

¹⁵ Часть интервью была размещена на сайте проекта: warandpeasant.ru (последнее обращение 25.03.2021).

суса среди жителей регионов, где происходили события. Формирование именно таких рамок и особенностей памяти о восстаниях – результат действия нескольких факторов.

Первый из них – это специфическая культура памяти, характерная для неграмотного в своей массе крестьянства. Эта память опиралась на устную традицию: даже умевшие читать и писать крестьяне редко создавали воспоминания, предпочитая рассказывать свои истории «на печи» (как часто выражаются их современные потомки, вспоминая о процессе общения с бабушками и дедушками). Устные воспоминания касались в основном истории семьи, деревни, редко затрагивая политические вопросы. И исследователи, и наши респонденты отмечают избирательность сюжетов и намеренное замалчивание политических тем. Другие характерные для крестьян вернакулярные формы культурной памяти (песни, заговоры и т. п.) либо не смогли зафиксировать вспышку сопротивления, либо были маргинализированы и вытеснены из массового употребления в условиях активной культурной политики советской власти и невиданного прежде административно-репрессивного давления в послереволюционные десятилетия.

Ситуация противостояния правительству создавала определенную внедеревенскую и внесемейную общность, однако главными выразителями ее идей становились не крестьяне, а эсеровские или иные активисты. Сохранилось несколько программ восставших, множество воззваний, приказов, обращений¹⁶. За отдельными исключениями, все они написаны профессиональными революционерами (хотя многие из них были крестьянского происхождения). Уже после подавления основной массы восстаний за рубежом было записано несколько воспоминаний их участников – обычно эсеров. Отражают ли эти произведения видение целей восстания основной массы его участников – большой и до сих пор дискуссионный вопрос¹⁷. С точки зрения исследователя памяти, однако, более существенным представляется вопрос распространения и известности подобного рода литературы уже после подавления восстания, ее возможности стать символическим медиатором для социальной памяти. И здесь ответ очевиден: практически все повстанческие листовки и обращения были изъяты силами большевиков или уничтожены самими крестьянами из соображений безопасности после подавления восстаний¹⁸. О доступности эмигрантских газет в советском селе не стоит и говорить.

Второй фактор – это жесткая рамка памяти о восстаниях, сформированная большевиками сразу после подавления выступлений. Новая власть быстро установила контроль за издательским делом, введя систему цензуры и не допуская публикаций, идеологически несовместимых с режимом¹⁹. Такими в любом случае считались бы любые сочинения, не вписывающиеся в сформулированную в основных чертах уже в 1920-х схему объяснения крестьянских восстаний как кулацко-эсеровских мятежей против советской власти²⁰. Эта трактовка закрепились в большевистском дискурсе и уже в 1930-х была окончательно канонизирована в «Кратком курсе истории ВКП(б)» И. В. Сталина, откуда перешла во все школьные учебники страны.

¹⁶ Кондрашин В. В. Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. статей и документов. М.: Агро-xxi, 2013. С. 80–99. Наследие повстанцев представлено в той или иной степени в большинстве сборников документов, посвященных крестьянским восстаниям. Большую работу по публикации этих источников провели Т. Шанин, В. Данилов, В. Б. Безгин, А. В. Посадский, М. Ю. Зайцева, Д. П. Иванов и др.

¹⁷ В. В. Кондрашин предлагает восстановить единую программу крестьянства, сопоставив документы повстанцев в разных регионах. При этом он признает, что подавляющее большинство этих документов написано не крестьянами, а эсерами, и соглашается с Т. Шаниным, что эсеры «не вели крестьян» (Кондрашин В. В. Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы войны. С. 95–96).

¹⁸ Сохранившиеся документы откладывались в основном в фондах РККА и ВЧК как иллюстративный материал, специально они никем не собирались и нигде не хранились.

¹⁹ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994.

²⁰ Например: Антоновщина: Статьи, воспоминания и др. Материалы к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии / Под ред. С. В. Евгенова, О. С. Литовского. Тамбов, 1923.

В этой ситуации память о восстаниях, сохранившаяся только на устном уровне, оказывалась под запретом. Участники и свидетели восстаний сами избегали этой темы. Сходным образом на десятилетия будет табуирована в деревне тема коллективизации и раскулачивания. Неудивительно, что многие прямые потомки восставших вспоминают лишь о том, что их родители не желали говорить о восстании.

В то же время советская культурная политика и политика памяти были направлены на маргинализацию восставших. Образ восстаний как локальных «кулацко-эсеровских» мятежей или «бандитских погромов» формировался через монументальную политику (многочисленные коллективные захоронения жертв «кулацких восстаний» в центрах сел и городов), прессу, систему начального образования, художественные романы (например, роман Н. Вирты «Одиночество»), постановки в театрах и т. п. За «правильной» интерпретацией восстаний следила не только цензура, но и система литературной и театральной критики.

Третьим фактором стало постепенное исчезновение деревенского и, более широко, негородского мира в том виде, в котором он более или менее устойчиво существовал на протяжении столетий. Процесс стремительной урбанизации играл существенную роль во многих обществах XX века, но Советская Россия стала одним из примеров наиболее радикальной и агрессивной модели трансформации аграрного мира и отказа от его наследия. Коллективизация и урбанизация способствовали миграции населения, нарушению связей между поколениями, стремительным изменениям идентичности многих людей. Бывшие крестьяне, а теперь «советские люди» переставали связывать свою историю с социально малопрестижной историей негородского, в том числе крестьянского, мира. Таким образом размывалась сама крестьянская идентичность и связи внутри крестьянских семей и сельских сообществ, которые могли бы быть носителями альтернативной памяти о восстании.

Этому способствовали и другие катаклизмы, обрушившиеся на деревню: раскулачивание, голод и, наконец, война. Не случайно в воспоминаниях наших современников горизонтом социальной памяти выступает в большинстве случаев Великая Отечественная война, реже – коллективизация. Более отдаленное прошлое обычно представляют лишь по книгам и фильмам, иногда – по расхожим образам деревенской жизни (жили голодно, ходили стирать на речку и т. п.), встраивая в них фигуры своих родственников.

Все названные выше обстоятельства порождают ситуацию почти полного отсутствия «голосов» крестьян в памяти о крестьянских же восстаниях. За три или четыре поколения, сменившихся с начала 1920-х годов, свидетельства очевидцев были забыты. В этом смысле мы обречены слышать рассказы о восстаниях только «чужими голосами». Сама ситуация размывания памяти о недавних событиях не редкость для многих групп во второй половине XX века. Как отметил Э. Хобсбаум, «разрушение прошлого или, скорее, социальных механизмов, связывающих современный опыт с опытом предыдущих поколений, – одно из самых типичных и тягостных явлений конца двадцатого века»²¹. Возможно, память и забвение о столь драматических событиях, как крестьянские восстания времен Гражданской войны, – одно из самых ярких и характерных проявлений этого процесса.

При анализе современного состояния памяти о событиях эпохи Гражданской войны нельзя не учитывать динамику рамок памяти в СССР и постсоветской России²². На протяжении прошедших десятилетий эти рамки заметно менялись, предоставляя то больше, то меньше пространства для интерпретации и памятования разных событий и групп, принимавших участие в восстании. После подавления восстаний наступил период жесткой регламентации пространства публичного высказывания на эту тему. Контроль над публичным полем был усугуб-

²¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. М.: Независимая газета, 2004. С. 13.

²² Об этом см., например, такие обобщающие работы, как: *Копосов Н. Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011; *Этле Н.* Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

лен действовавшими в деревне репрессивными механизмами, голодом и миграцией населения эпохи индустриализации и войны. Затем последовало относительно либеральное «оттепельное» время: к периоду 1960-х годов относится бум краеведческих исследований, впервые поднявших многие вопросы истории восстания. Разумеется, советское краеведение (подтверждение этому можно найти во многих главах этой книги) не претендовало на создание альтернативной картины истории восстаний. Однако, восстанавливая историю подвигов коммунистов и чекистов, исследователи не могли не столкнуться с различными версиями истории и не актуализировать память о восстаниях. К этой эпохе относятся многие записи воспоминаний участников подавления восстаний, хранящиеся в основном в фондах областных архивов (прежде всего – партийных). Немалую роль в этом процессе сыграло особое внимание к юбилеям революции, широко отмечавшимся во всей стране как в 1950–1960-х, так и в 1970–1980-х годах.

Следующим этапом осмысления темы стала перестройка и 1990-е годы, когда на смену односторонней «советской» картине крестьянских восстаний стали приходиться романтизированные образы повстанцев – народных героев – олицетворение крестьянства, ставшего жертвой советской политики. Смена полярности оценок совпала с открытием архивов и началом более фундированного исторического изучения событий восстаний. Однако к тому моменту подобные исследования были уже скорее фактом историографии, чем реального общественного интереса: в большинстве случаев результатом предшествовавшей советской политики памяти стало либо полное забвение истории о восстаниях в регионах, где они происходили, либо самая общая осведомленность на уровне, вынесенном с уроков истории. Восстания окончательно стали делом «давно минувших дней».

Хронологическая динамика рамок памяти дополнялась их неоднородностью в отношении разных восстаний. Так, Тамбовское восстание уже в 1930-х годах вошло в канон истории Гражданской войны. В то же время не менее многочисленное выступление крестьян Западной Сибири долгое время было обойдено вниманием историков, авторов учебников и художественной литературы. Этот пробел начал восполняться лишь с 1970-х годов.

Определенная непоследовательность в изображении восстаний влияла не только на общенациональный исторический нарратив, но и на региональные рамки памяти и осведомленность жителей разных областей СССР о происходивших на этих территориях событиях. Одной из задач этой книги было показать различия в памяти о событиях восстания, вызванные подобной ситуацией.

Рассмотрение ключевых для авторов книги вопросов о крестьянских восстаниях (механизмы памяти и забвения, взаимодействие и взаимовлияние различных форм памяти, методология работы с уходящей памятью) неизбежно происходит на разных «уровнях» существования памяти: национальном, региональном и локальном. Не всегда грани между этими «слоями» очевидны, и кажется, что почти никогда невозможно составить более или менее полную картину происходящего, действуя только в одном из этих условных «регистров». Поэтому мы предпочли не пытаться создать общую картину памяти и забвения о крестьянских восстаниях на региональном (или тем более общенациональном) уровне, а предложили набор кейсов, которые позволяют увидеть многообразие факторов, влияющих на память и забвение. Мы надеемся, что в этих небольших историях внимательный читатель сможет увидеть отражение тех черт более общих процессов, полноценное описание которых еще нуждается в усилиях многих исследователей.

Девять глав книги тематически объединены в три части: «Память и места коммеморации», «Память и тексты», «Память и речь». Это разделение, адресующее к разным носителям памяти, в значительной мере условно – так или иначе все авторы этой монографии затрагивают разные медиаторы и формы памяти. Каждый раздел состоит из двух глав, касающихся памяти

о Западно-Сибирском или Тамбовском восстаниях, и одной – о памяти и забвении о событиях Гражданской войны за пределами ареалов этих восстаний.

Первая часть, «Память и места коммеморации», начинается с главы, написанной Е. Л. Рачевой и посвященной анализу сельских сообществ и групп активистов, стоящих за созданием «вернакулярных мемориалов» в Инжавинском районе Тамбовской области. Автор прослеживает связь между активистской деятельностью и представлениями об индивидуальной и групповой идентичностях, регистрируя новую волну интереса к событиям восстания и созданию новых коммеморативных практик.

Вторая глава представляет собой исследование судьбы захоронения большевиков – жертв крестьянского восстания в городе Уварово Тамбовской области. Ее автор, Е. И. Миронова, прослеживает историю захоронения с 1921 по 2020 год и связь локальной коммеморации с изменением общенациональных рамок памяти. Последняя трансформация – замена памятника погибшим коммунистам на православную «стелу единства». Она по-разному воспринимается современными жителями Уварова. Изложению их точек зрения на вопрос также уделяется значительное внимание в этой главе.

В заключительной главе первой части А. Д. Соколова рассматривает в широком, общенациональном контексте формирование в эпоху Гражданской войны (и первые годы после нее) культуры красных похорон и коллективных захоронений. Зародившись еще в предреволюционную эру, эти традиции стали определяющими для монументов жертвам и героям Гражданской войны в 1920-х и во многом задали рамки более поздних советских практик. В главе демонстрируется неоднозначность восприятия красных и коллективных похорон даже непосредственно в большевистской среде того времени.

Вторая часть, «Память и тексты», начинается с главы об истории памяти о событиях крестьянского восстания в селе Новорусаново Жердевского района Тамбовской области. По мысли Н. А. Ломакина, записанные в 1960-х годах воспоминания о создании новорусановцами коммуны «Дача» и ее истории в 1920-х сформировали специфическую культуру памяти. Она резко отличалась от памятования в соседних селах. Во многом благодаря этой книге, имевшей очень ограниченное хождение, в Новорусанове сохранилась семейная память о восстании и культура частной коммеморации событий 1920-х годов.

В пятой главе А. В. Кравченко пишет об истории публикации и восприятия художественных произведений о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях в советское время. Он приходит к выводу, что именно раннее включение произведений о восстании в Тамбовском регионе в соцреалистический канон (и в то же время – ограниченность корпуса текстов о событиях в Западной Сибири) в значительной степени определило состояние как позднесоветской, так и современной социальной памяти о восстаниях.

В шестой главе Н. Б. Граматчикова исследует особенности дискурса краеведческой литературы о Казымском восстании коренных народов приобской тундры (1932–1934) и его связь с воспоминаниями свидетелей восстания, записанными в конце 1970-х годов. Сопоставляя этот блок источников с вводимыми ею в научный оборот дневниками участников подавления восстания, исследовательница ищет путь восстановления многосоставного нарратива о восстании и показывает, насколько глубоко сложившиеся рамки памяти о событиях влияют на более поздние биографические нарративы.

Третья часть, «Память и речь», начинается с методологических размышлений И. Е. Штейнберга и В. П. Ключевой. Авторы описывают метод опроса, разработанный в ходе полевой работы в Тюменской области, где уровень осведомленности многих респондентов о восстании оказался невысоким²³. Предложенные исследователями методики позволяют вовлечь респондентов в процессы рефлексии и воспоминания о событиях восстания.

²³ В данном случае, разумеется, речь не о краеведах, активистах или историках, а о людях, не имеющих специальных

В восьмой главе Н. А. Лискевич анализирует материалы интервью, собранные в Приишимье Тюменской области. Акцентируя внимание на связи языка современных респондентов с официальным советским языком, исследовательница обращается к анализу публикаций местной прессы. Она приходит к выводу, что низкая степень осведомленности о восстании связана со слабостью межпоколенческой передачи памяти, а восприятие событий восстания ее респондентами все еще определяется доминированием именно советских описательных категорий.

Заключительная, девятая глава посвящена формированию идентичности казаков семеновцев в Забайкалье и роли в этом процессе памяти о Гражданской войне. Автор главы, И. О. Пешков, описывает, как в 1960–1970-х годах складывание мифологического образа семеновцев на границе с Монголией и КНР повлияло на идентичность казаков региона. Взаимодействие с «фантомной» памятью советского приграничья актуализировало память о Гражданской войне и создавало новые формы идентичности и интерпретации прошлого.

Авторы не претендуют на создание обобщающей картины памяти об исследуемых восстаниях (даже если полагать, что подобная задача в принципе выполнима). Представленные истории – это скорее иллюстрации различных механизмов социальной коммуникации, бытования культурной памяти в советскую и постсоветскую эпохи. Делать далекоидущие выводы на их основе было бы наивно и самонадеянно. Тем не менее эта книга, как мы надеемся, могла бы способствовать развитию дискуссии о состоянии памяти о Гражданской войне и об эпохе 1920-х годов в целом. Потенциально полезным в дальнейших исследованиях представляется компаративный подход. Сравнительное рассмотрение схожих процессов в разных регионах страны позволяет сделать шаг к созданию общего словаря для описания процессов памяти и забывания о трагических событиях XX века. И наконец, больше всего мы как составители этой книги ценим поставленные в ней вопросы, ответы на которые не были найдены. Таких вопросов много, а значит, все еще впереди.

Часть I. Память и места коммеморации

ГЛАВА 1. ИНЖАВИНО: КАМЕНЬ АНТОНОВА, ТАНК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И КУСТ СИРЕНИ Память о Тамбовском восстании в деревнях Инжавинского района

Рачева Е. Л.

Глава основана на материалах полевой работы, проведенной в мае 2018 года преимущественно на территории Инжавинского и Уваровского районов Тамбовской области. Эти территории были в значительной степени затронуты событиями восстания, здесь же в 1922 году был убит Александр Антонов. Респондентами стали жители сел, занимающиеся сохранением памяти о восстании. Часть из них – в силу профессиональных обязанностей (учителя истории, сотрудники сельских краеведческих музеев и библиотек и т. п.), часть – благодаря тому, что память о предках, затронутых восстанием, сохранялась в их семье. Чаще всего респондентами становились люди, которые профессионально начали заниматься сохранением памяти о восстании из-за связи с ним их предков. Как показала полевая работа, именно эти люди во многом формируют локальные нарративы об антоновщине, влияют на формирование местной социальной памяти, бывают инициаторами установки мемориалов и т. д.

Основываясь на собранных мной интервью, я хочу проанализировать способы репрезентации восстания через монументы и связанные с ними мемориальные практики. Помимо того, мне интересно понять характер воспоминания об Антоновском восстании: какую роль оно играет в памяти местных жителей и формировании их частной и коллективной идентичности, как строится образ прошлого и как осуществляется его присутствие в настоящем. Я планирую рассмотреть, как складывалась мемориализация восстания, описать сопровождавшую ее «войну памяти» и понять, удалось ли каким-либо из мемориалов стать «местами памяти»²⁴.

Важно отметить, что моя полевая работа проходила в сельской местности: как в больших поселках (например, Инжавино), так и в деревнях с несколькими десятками жителей. Большинство моих респондентов – потомки крестьян, продолжающие жить в тех же селах, что и несколько поколений их предков. Несмотря на то что многие из них получили высшее и среднее образование (учителя сельских школ, руководители краеведческих музеев и другие), их социальное и экономическое положение изменилось мало. Они, как и прежде, ведут натуральное хозяйство и выстраивают собственные представления о прошлом, опираясь на опыт предыдущих поколений и локальную социальную память. Они с детства слышали воспоминания и рассказы о крестьянском восстании. Я предполагаю, что влияние памяти о нем на них было гораздо больше, чем на горожан, оторванных от мест, где проходило восстание. Я предполагаю, что именно краеведы, учителя и музейщики являются основными акторами памяти в местах, где проходила моя полевая работа.

²⁴ В качестве методологической рамки я хочу использовать концепцию Пьера Нора о «коллективной памяти» и «местах памяти». По мнению исследователя, с угасанием живых традиций в современном обществе мы застаем только их реликты, «архивные формы» памяти, которые хранятся в особых «местах памяти», наделенных символической аурой и являющихся местами в трех смыслах: материальном, символическом и функциональном. См.: *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 1999. С. 17–50. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения 20.01.2021).

У полевой работы в сельской местности есть еще одно важное отличие. Поскольку это пространство слабо регулируется государством, местные жители обладают широкими возможностями для создания собственных коммеморативных практик. Они оказываются вольны возводить мемориалы, поддерживать (или создавать новые) ритуалы и более радикально по сравнению с горожанами формулировать локальную память с опорой на семейную. Особенно в условиях, когда отчетливая государственная мемориальная политика, связанная с событиями восстания, отсутствует и на общенациональном, и на региональном уровнях.

Как показала моя полевая работа, жители сел Инжавинского района активно устанавливают собственные монументы на местах гибели восставших или подавлявших восстание красноармейцев, используют государственную коммеморацию для частного поминовения и создают свои нарративы восстания.

Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению, я хочу ввести еще два понятия. Первое – это: «политика памяти» – в значении, предложенном историком Алексеем Миллером. Он понимает под ней набор различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти: сооружение памятников и музеев, коммеморацию, акцентирование внимания на одних сюжетах истории и замалчивание или маргинализацию других²⁵. Соответственно, меня будут интересовать официальные практики коммеморации восстания, связанные с государственной политикой памяти.

Кроме того, я хочу рассмотреть вернакулярную мемориализацию восстания в местах моей полевой работы. В противоположность официальным практикам коммеморации, я предлагаю называть вернакулярными «места памяти» и ритуалы, созданные местными жителями или их сообществами вне каких-либо институтов и без санкций властей, в память о родственниках или односельчанах, чтобы обозначить их место гибели или захоронения.

Этот термин – как и синонимичные ему «спонтанная мемориализация»²⁶ и «народная мемориализация»²⁷ – используется для описания стихийно возникающих комплексов из поминальных приношений на местах массовых смертей (терактов, катастроф и т. д.) как способа оплакивать тех, кто погиб внезапной или шокирующей смертью, а также сообщать об обстоятельствах такой смерти²⁸. Согласно культурологу Эрике Досс, спонтанные мемориалы размещают непосредственно на месте смерти или как можно ближе к нему; они представляют собой места социальной активности, воплощают стремление людей отдать дань уважения погибшим, а также подтвердить конкретные политические, культурные и социальные позиции²⁹. Все это также сближает спонтанные мемориалы с рассматриваемыми ниже.

СООБЩЕСТВА ВСПОМИНАЮЩИХ

Поскольку ничто не является «памятником в себе» – коммеморативным свойством его наделяет наблюдающий,³⁰ – для начала я хочу рассмотреть сообщества памяти³¹ в Инжавин-

²⁵ Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

²⁶ Сантини Дж. Перформативные коммеморативы: спонтанные святилища и публичная мемориализация смерти // Фольклор и антропология города. 2019. № II (1–2). С. 19–20.

²⁷ Doss E. The Emotional Life of Contemporary Public Memorials: Towards a Theory of Temporary Memorials. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008.

²⁸ Сантини Дж. Перформативные коммеморативы: спонтанные святилища и публичная мемориализация смерти // Фольклор и антропология города. 2019. № II (1–2). С. 15.

²⁹ Doss E. The Emotional Life of Contemporary Public Memorials. P. 25, 28.

³⁰ Габович М. Советские военные памятники: биографические заметки // Что делать? 2014. № 37. С. 9.

³¹ Термин «сообщества памяти» я рассматриваю в том значении, какое вкладывала в него Аллейда Ассман. Это исторические агенты, вовлеченные в события рядом с теми, кто пострадал от исторического события и его последствий (см., к примеру: Ассман А. Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти // Историческая

ском районе. Моя полевая работа показала, что даже спустя три поколения память о крестьянских восстаниях хорошо сохраняется и служит жителям мест, где проходило восстание, для конструирования собственной идентичности. При этом я предполагаю, что именно семейная память является определяющей для формирования локальных нарративов о восстании. При этом в подавляющем большинстве случаев респонденты рассказывают о тех предках, биография которых подтверждает их собственную позицию.

Память о восстании очень поляризована, однако нарративы оказавшихся на противоположных полюсах групп выстроены похоже: местные жители, симпатии которых оказались на стороне восставших, называют «коммунистов» преступниками, антоновцев – «мстителями», восстание – народным бунтом. Обвиняют государство в слишком жестокое подавлении восстания, утверждают, что оно было массовым, захватило всю область, а восставшие шли единым фронтом. К примеру, респондент И. Д. называет это признаком социальной правоты восставших:

Когда я посмотрела, столько много народу было за Антонова, я просто поразила. <...> Ну, бандитские, я понимаю, там сто человек, ну, двести человек, ну, тысяча, но у них же доходило до многих тысяч человек. <...> Это было собранно, организовано... Организованное движение даже, может быть, я хочу назвать, возглавляемое Антоновым. И я думаю, что сколько надо сил было и мужества, чтобы вот это движение возглавить. <...> И люди были недовольны, и поэтому они сплотились³².

Среди причин восстания респонденты, симпатизирующие сторонникам Антонова, называют продразверстку, голод, описывают случаи, когда красноармейцы отбирали у крестьян последнюю еду и одежду, подчеркивают благополучие сельской жизни до продразверстки, часто отмечают, что их регион был среди самых плодородных и благополучных в стране:

Когда началась продразверстка, у крестьян выгребали все. Я потом прочитал только, оказывается, считалось, что Тамбовская губерния более процветающая, и тут больше всего производится хлеба. На самом деле, по статистике, так, который продавался в том числе в Европу. Ну, зерновых я имею в виду. И в связи с этим размер и изъятия зерновых по губернии был очень высоким, непомерно высоким. Но планы надо было выполнять, и вот все здесь эти отряды продразверстки забирали все³³.

Респонденты, чьи симпатии лежат на стороне красноармейцев, называют восставших «бандитами», восстание – «бунтом», утверждают, что оно состояло из разрозненных, не связанных между собой очагов, приводят примеры грабежа и убийства крестьян участниками восстания, отмечают, что не видят серьезных причин для подъема крестьян, подчеркивают зажиточность сельской жизни и жестокость антоновцев:

Безвинных убивали-то, грабили, убивали. <...> Грабили: и скот уводили, и лошадей, и все грабили, и овцы. А что, тогда была корова, овцы, у людей. И последнее брали. <...> Антонов, он тут свирепствовал везде. Он зверь был³⁴.

На основе моих интервью можно выделить два основных нарратива, к которым обращаются местные жители при рассказе о событиях восстания: героический (о предках-антоновцах, боровшихся за свободу народа, или, реже, красноармейцах, ценой собственной жизни

экспертиза. 2017. № 4. С. 9–30).

³² И. Д., ж., 62 года, с. Нижний Шибрай Уваровского района Тамбовской области, 07.05.2018.

³³ Н. С., м., 65 лет, д. Карандеевка Инжавинского района Тамбовской области, 05.05.2018.

³⁴ М. П., ж., 78 лет, д. Караваино Инжавинского района Тамбовской области, 05.04.2018.

подавлявших бандитский мятеж) и, более частый, нарратив жертвы – о безвинно погибших в ходе восстания и о преступной политике государства в отношении крестьянства. Разница между нарративами заключается не в излагаемых респондентами фактах и не в избираемой ими стороне (восставших или красноармейцев). Герои их рассказов часто одни и те же: расстрелянные заложники (крестьяне, отказавшиеся выдать своих ушедших с антоновцами родных), сброшенные живыми в колодезь красноармейцы, мирные инжавинцы, жившие в условиях постоянно сменяющихся друг друга сил. Разница в нарративах заключается в эмоциональном отношении к событиям восстания. Респонденты, придерживающиеся героического нарратива, гордятся и восхваляют своих предков, находят убедительные причины для оправдания антоновцев или красноармейцев, представляют их участие в восстании как искренний порыв или подвиг. Авторы жертвенного (к ним относятся все противники восстания) жалеют, оплакивают, в своих рассказах рисуют мир несправедливости и насилия, участие в восстании или его подавление считают не свободным выбором, а стечением обстоятельств.

Героический нарратив воспроизводили в основном респонденты, которые во взрослом возрасте начали восстанавливать историю своего рода и искать образы и личности, на которых они могли опереться в конструировании собственной идентичности. Для нескольких (пять-шесть человек) такими личностями стали Антонов, другие руководители восстания (в частности, уроженец Инжавинского района Иван Ишин) или предки респондентов, участвовавшие в нем. Эта группа людей образовала отдельное сообщество памяти. Его члены хорошо знакомы или находятся в дружеских отношениях, вместе занимаются мемориализацией восстания, обмениваются литературой о нем и т. д. Опираясь на книги краеведов (в частности, Владимира Самошкина, Бориса Сенникова, Николая Тюрина), это сообщество памяти сконструировало нарратив сопротивления несвободе и борьбы с обстоятельствами. В его центре оказалась фигура участника восстания, с которой респонденты себя идентифицировали. В частности, в интервью респондента Н. С., бизнесмена из села Карандеевка, прослеживался лейтмотив гордости тем, что он является потомком крестьян-бунтовщиков:

Горжусь тем, что мои земляки были гордыми людьми, мужественными людьми, нашли в себе смелость оказать реальное, фактическое сопротивление той несправедливости, которая творилась в то время. И они ушли воевать за святое: за свою семью, за своих детей, за свое благополучие, за свое будущее лучшее, за свою деревню³⁵.

Яркий пример «героического» нарратива представляет интервью А. Е., одного из лидеров неформального объединения сторонников Антонова. В интервью респондент назвал подавление восстания «международным геноцидом против русского мужика» силами «эстонского корпуса и латышских „красных“ стрелков». В отличие от остальных респондентов в интервью А. Е. прослеживается националистский и антисемитский нарратив: «Возьмите 69... 69, повторю, фамилий руководителей уничтожения Антоновского восстания, и почитайте их фамилии и национальность. <...> 49 евреев, остальные – поляки, немцы, эстонцы». Антонов противопоставляется подавителям восстания как представитель «интеллигенции русской в России»:

Да, он безбашенный, да, убийца, убил полицейского, был приговорен к смертной казни, только благодаря вмешательству Столыпина он был помилован. Но это был еще интересный человек, и он, и его брат. Брат писал стихи, брат играл на скрипке, играл на рояле. Понимаете, это были еще интересные люди³⁶.

³⁵ Н. С., м., 65 лет, д. Карандеевка Инжавинского района Тамбовской области, 05.05.2018.

³⁶ А. Е., м., 70 лет, д. Ивановка Уваровского района Тамбовской области, 07.05.2018.

Как отмечает антрополог Оксана Головашина, в общественной дискуссии о Тамбовском восстании предметом разговора является не личность участников восстания или его подавления, а модель прошлого для настоящего³⁷, при этом само восстание оказывается референтной точкой, к которой апеллируют и его сторонники, и противники³⁸.

Как показали интервью, члены описываемого сообщества памяти к настоящему относятся критически и высказывают инвективы как в адрес советских властей (см., например: «Эта власть была кровожадная по отношению к простолюдинам. Простые люди быстро поняли, что их просто обманули в 17-м году»³⁹), так и нынешних политиков. В интервью они использовали антоновщину для легитимации своего критического отношения к современным российским властям, которые они характеризуют как наследников советской власти, подчеркивая «бандитскую» природу государства как такового⁴⁰.

К примеру, говоря об упадке сельской жизни, закрытии деревенских больниц и школ, Н. С. объяснял их продолжением советской политики, с которой боролись еще участники восстания:

Вот это все отголоски той тупой политики, которую проводили в 20-е годы. Те люди сами, по своей природе, бандиты, которые заняли ключевые посты в государстве. И они бандитскими методами насаждали новую власть, не понимая последствий. <...> И поэтому народ стал мигрировать. Сегодня мы по Тамбовской губернии видим, демографический провал таков, что просто меня шокирует. Ежегодно порядка двадцати тысяч населения недосчитывается Тамбовская область⁴¹.

В интервью члены проантоновского сообщества памяти (во время полевой работы мне удалось обнаружить всего одно подобное сообщество, но, вероятно, их больше) часто апеллируют к тому, что, раз в Тамбовской области существуют памятники красноармейцам, необходимо уравновесить эту «коммунистическую» память крестьянской. Не вернакулярными памятниками (речь о которых пойдет ниже), широко представляющими «крестьянскую» память о восстании, но официальными государственными мемориалами. По словам жителя Инжавино В. К., то, что память о восстании официально не представлена в Тамбовской области, «не обозначена на исторической родине этих событий, это по меньшей мере, на мой взгляд, странно, странно по меньшей мере. А по большей мере это преступное, не побоюсь этого слова, преступное по отношению к своей истории, нашей Тамбовщины»⁴².

Как упоминалось выше, частные практики поминовения не оказывают сопротивления государственной политике, но могут сталкиваться и конфликтовать с памятью других общественных групп и сообществ памяти. Так, в частности, помимо сообщества памяти, апологетического по отношению к Антонову, мне удалось найти респондентов, придерживающихся антиантоновской позиции. Их нарративы различались лексически. Восставших они называли «банда антоновская», говорили, что «красные – это наши» («никого не убивали, ничего, они друг за друга»), самого Антонова называли «зверем»: «Зверь был, как говорили, убивал всех. Безвинных убивали-то, грабили, убивали»⁴³. Помимо того, респонденты подчеркивали бла-

³⁷ Головашина О. В. «В борьбе обретишь ты память свою»: Антоновщина в представлениях современных тамбовчан // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 315.

³⁸ Там же. С. 317.

³⁹ В. К., м., 60 лет, п. Инжавино Тамбовской области, 08.05.2018.

⁴⁰ Головашина О. В. «В борьбе обретишь ты память свою»: Антоновщина в представлениях современных тамбовчан // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 312.

⁴¹ Н. С., м., 65 лет, д. Карандеевка Инжавинского района Тамбовской области, 05.05.2018.

⁴² В. К., м., 60 лет, п. Инжавино Тамбовской области, 08.05.2018.

⁴³ М. П., ж., 78 лет, д. Караваино Инжавинского района Тамбовской области, 05.04.2018.

гополучие жизни при «красных» («Хлеб был, картошка была, корова была, молоко, все, и детей кормили, – говорит, – не голодали»⁴⁴), говорили о жестокости восставших и отрицали встречную жестокость красноармейцев, а также утверждали, что восстание не завоевало широкой популярности в селах: «У нас колхоз, все дружные были»⁴⁵; «Какое там восстание. <...> Отдельные были люди, может быть, два-три могли захватить, и все. А так никакого восстания в нашей [местности] не было»⁴⁶.

Важно отметить, что большинство «красных» респондентов воспроизводили упомянутый выше нарратив жертвы и описывали своих предков и их односельчан как жертв насилия и несправедливости со стороны антоновцев. Они говорили, что даже годы спустя после того, как восстание было подавлено, местные жители все еще вспоминали, кто из соседей поддержал восставших. К примеру, М. П., внучка председателя комбеда, убитого восставшими крестьянами, рассказывала, что «мама моя все время воевала с Борисовыми. „Ваш отец моего отца живым в колодезь запихал“»⁴⁷.

Однако полевая работа показала, что нынешний конфликтогенный потенциал памяти о восстании низок. Во-первых, респонденты, придерживающиеся антиантоновского нарратива, не объединены в сообщества памяти и пассивны. Во-вторых, в сельских поселениях, значительно затронутых событиями восстания, до сих пор не принято обсуждать семейную историю соседей. Респонденты, называвшие антоновцев «бандитами», уверенно заявляли, что в их населенном пункте нет людей, которые бы придерживались иного мнения, и наоборот. В селе Каравайно я проинтервьюировала и внучку погибшего в восстании красноармейца, и потомков восставших. Выяснилось, что они никогда не обсуждали между собой восстание, не знали, что их семьи были равно затронуты им и что они сами придерживаются полярных мнений о восстании. Можно предположить, что молчание о прошлом становится залогом мирных отношений в настоящем либо же советское табу на оправдание восставших так и не было снято.

Как считает Оксана Головашина, память об антоновщине до сих пор существует как определенный связанный нарратив, продолжающий заложенные советской историографией представления, язык описания или борьбу с ними. Для активистов характерны полярные оценки и эмоциональность восприятия аргументов противоположной стороны. При этом споры идут не о коммеморации восстания, а об оценках государственной политики, отношениях власти и народа, двух полярных образах истории и роли отдельного человека в ней⁴⁸.

Ниже я хочу рассмотреть мемориализацию (официальную и вернакулярную) Антоновского восстания в местах, где проходила моя полевая работа, и проследить, как вышеописанная дихотомия оценок восстания и разные модели исторического нарратива влияют на нее.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕСТА ПАМЯТИ

В Инжавинском и Уваровском районах, где проходила основная часть моей полевой работы, мне не удалось обнаружить постсоветских официальных мемориалов (то есть созданных под эгидой органов власти), посвященных крестьянскому восстанию. Единственный монумент, косвенно посвященный восстанию, установлен городской администрацией в Тамбове, областном центре. Это трехметровый «Памятник тамбовскому мужику», открытый в День народного единства 4 ноября 2007 года. Как заявлял его автор, архитектор Александр Филатов,

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ М. Г., ж., 67 лет, с. Кулевча Инжавинского района Тамбовской области, 02.05.2018.

⁴⁷ М. П., ж., 78 лет, с. Каравайно Инжавинского района Тамбовской области, 05.04.2018.

⁴⁸ Головашина О. В. «В борьбе обретишь ты память свою»: Антоновщина в представлениях современных тамбовчан // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 314.

фигура памятника символизирует крестьянина, который стоит над политикой и идеологией, работает на земле и хранит веру отцов⁴⁹.

Как считает тамбовский антрополог Оксана Головашина, жители Тамбова, как правило, не связывают изображение «Мужика» с антоновщиной⁵⁰. При этом моим респондентам, считающим необходимым сохранять память о восстании и отсчитывающим собственные идентичности от его событий, кажется важным создание локальных «мест памяти» в местах, где проходили события восстания или где они сами живут (даже если там не происходило ничего, прямо связанного с восстанием). Большинство из них связывает «Памятник тамбовскому мужику» с мемориализацией восстания, но считает установку этого единственного мемориала недостаточной. К примеру, бизнесмен Н. С. называет ее «стыдливой»:

Стыдливо поставили памятник Тамбовскому Мужику или крестьянину. Так вы [городские власти] напишите, в связи с чем этот памятник и где он поставлен⁵¹, почему в этом месте поставлен. Если уж говорить правду. А то такая вот она полуправда получается. Да, памятник есть тамбовскому крестьянину. Чего, зачем, а почему он тут стоит, а почему тамбовскому крестьянину? Почему не воронежскому крестьянину? <...> Эти места стерли из памяти⁵².

Ил. 1. Памятник Великой Отечественной войне в селе Караул служит местом памяти всех погибших в этих местах в XX в. Проект Дмитрия Котова, памятник установлен в 2019 г. Фото Е. Рачевой

⁴⁹ Остриков В. Есть критика, значит, не зря трудился // Литературный Тамбов. 2012. № 1. С. 17–18.

⁵⁰ Головашина О. В. «В борьбе обретешь ты память свою»: Антоновщина в представлениях современных тамбовчан // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 316.

⁵¹ Памятник установлен в месте, где в начале 1920-х годов находился концентрационный лагерь для участников восстания.

⁵² Н. С., м., 65 лет, д. Карандеевка Инжавинского района Тамбовской области, 05.05.2018.

Удивительно, но в условиях стремления местных жителей к мемориализации событий и участников восстания любые монументы, посвященные событиям XX века, становятся «местами памяти» в том числе и о восстании. Почти в каждом поселке, где проходила полевая работа, есть памятники погибшим в Великой Отечественной войне. Как правило, это памятник Неизвестному солдату, Вечный огонь или советский танк на постаменте. Как показали интервью, в нескольких селах – Караваино, Караул, Трескино – они много лет служат местами памяти для коммеморации всех погибших в этих местах в XX веке: красноармейцев, антоновцев, репрессированных в годы Большого террора, участников Великой Отечественной войны и локальных войн. К примеру, в Караваине типовая военная стела со звездой стала единственным местом, в которое приходят потомки четырех красноармейцев, убитых восставшими, чтобы вспомнить их наравне с жертвами Великой Отечественной войны⁵³.

Анализируя типы «мест памяти», историк Алексей Миллер выделяет «закрытые», то есть фиксирующие строго определенную интерпретацию исторического события, и «открытые», создающие пространство для диалога и различных трактовок событий прошлого⁵⁴. Я предполагаю, что в случае Тамбовской области монументы, посвященные Гражданской или Великой Отечественной войне, изначально созданные как «закрытые», под влиянием сельских сообществ начинают функционировать как «открытые». Жители сел, где расположены эти памятники, отлично знают, каким событиям они изначально были посвящены. Однако, испытывая необходимость в том, чтобы иметь место для коммеморации погибших односельчан и не имея возможности устанавливать новые мемориалы (это трудозатратно, дорого и т. д.), сельские сообщества оказываются вольны трансформировать официальные мемориалы в универсальные «места памяти», на которых можно оставить цветы, свечу или провести любую коммеморацию, отличную от семейной (последняя происходит преимущественно на кладбищах или в домах).

Важно отметить, что коммеморация восстания не привязана не только к конкретным памятникам, но и к датам восстания. По словам респондента Т. Х., учительницы школы села Караваино, о гибели красноармейцев здесь вспоминают тогда же, когда и обо всех других погибших, – 9 мая. В этот же день негласно, без официальных речей и парадных мероприятий, поминают и репрессированных жителей села. Как показала полевая работа, в памяти сельских жителей продрозверстка, раскулачивание и Большой террор оказываются тесно связаны⁵⁵. Иногда их путают по неведению, иногда связывают между собой осознанно. К примеру, Т. Х. рассказала, что ее дед был репрессирован в 1937 году за связь с восставшими антоновцами. Семейная память сохранила историю о том, что, проходя через село, восставшие увели 16-летнего тогда юношу с собой. Через несколько дней он сбежал от антоновцев и вернулся домой, но в Большой террор был арестован по статье 58 УК РСФСР за связь с восставшими и вскоре расстрелян. Я предполагаю, что войны, репрессии и восстание сливаются для местных жителей в единый нарратив страдания и потерь, с едиными практиками поминовения, отчужденными от государственных. Таким образом, официальные мемориалы становятся универсальными «местами памяти», посвященными всем трагическим событиям истории XX века.

⁵³ О переструктурировании места захоронения и изменении ритуалов, связанных с ним, см. главу 2.

⁵⁴ Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/#_ednref4 (дата обращения 01.10.2020).

⁵⁵ Подробнее об этом и о разных типах темпорального перехода между событиями см. в: Кравченко А. В., Ломакин Н. А., Склез В. М., Соколова А. Д. Парадоксы темпоральности: память о крестьянских восстаниях 100 лет спустя // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 144–165.

ВЕРНАКУЛЯРНАЯ МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ

В отличие от сообществ горожан, которые редко принимают участие в принятии решений об установке новых памятников, жители деревень, как показала моя полевая работа, становятся активными акторами мемориализации. Они сами устанавливают памятники и организуют независимые от государства коммеморативные практики.

Ниже я хочу рассмотреть вернакулярную мемориализацию Антоновского восстания. В отличие от официальных вернакулярные мемориалы, созданные местными краеведами или активными жителями в память об односельчанах на месте их гибели или захоронения, встречались во время моей полевой работы неоднократно⁵⁶.

К примеру, один из них находится недалеко от села Трескино Инжавинского района, в низине у ручья Пьянка. Согласно местному нарративу⁵⁷, здесь красноармейцами под руководством начальника Кирсановской уездной милиции Мина Маслакова были убиты 120 повстанцев, крестьян нескольких окрестных сел, которые вышли против красноармейцев с вилами и топорами, были расстреляны из пулемета и захоронены тут же в большой яме около ручья.

Еще в советское время родственники одного из погибших антоновцев, жителя деревни Шумиловке Ивана Егорова, установили на месте расстрела обелиск из металлических прутьев – фактически связанных вместе кусков арматуры. Как рассказала в интервью основатель краеведческого музея села Трескино и бывшая школьная учительница Т. М., памятник стоял много лет, но «однажды пьяный тракторист завалился на этот памятник, смял его весь, и мы с учениками его просто вертикально поставили и покрасили белой краской»⁵⁸. Позже краевед нашла в сельском сарае бесхозный «обелиск для увековечивания памяти... наискось сделанный, металлический» – иными словами, кладбищенский памятник. В 2013 году вместе с членами школьного кружка «Юные краеведы» Т. М. установила обелиск на месте расстрела, написав на прикрепленной к нему стальной табличке цитату из стихотворения Максимилиана Волошина: «Наши кости сеяны, пулей мечены, саблей сечены, коньми топтаны».

Интересен пример мемориальной деятельности краеведа Н. Г. из села Калугино. С начала 1970-х годов он записывал рассказы односельчан о событиях Гражданской войны и крестьянского восстания. Позже он издал несколько книг о восстании и сборник документальной, по его словам, прозы, посвященной любовным историям жителей Калугина. В 2010-х годах в полях вокруг села краевед установил три памятных креста на показанных ему очевидцами местах убийств участников восстания, а также несколько памятных знаков на месте объяснений в любви или расставаний своих героев. Теперь от креста на месте расстрела красноармейцам отлично видно столбик на месте любовного объяснения местной крестьянки и заезжего цыгана. Силами Н. Г. местность вокруг Калугина оказалась размечена следами прошлого. Топография бунта оказалась привязана к топографии (вероятно, беллетризированной) истории села.

В связи с этим интересно проанализировать, каковы цели установки вернакулярных мемориалов и кто является основным адресатом мемориализации.

⁵⁶ Под вернакулярными я не имею в виду описанные выше официальные поселковые памятники, используемые для коммеморации всех важных событий XX века. Они, по моим наблюдениям, не были преобразованы и использованы для вернакулярной мемориализации.

⁵⁷ Цифра 120 человек была названа жителям Трескина мичуринским писателем и краеведом, автором поэмы «Антонов» Николаем Тюриным. Подтвердить ее не удалось.

⁵⁸ Т. М., ж., 57 лет, с. Трескино Инжавинского района Тамбовской области, 01.05.2018.

ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ ВЕРНАКУЛЯРНЫХ МЕМОРИАЛОВ

Согласно Эрике Досс, вернакулярные мемориалы являются вспомогательными средствами памяти. Они работают на то, чтобы сделать потерю умерших видимой, публичной и незабываемой⁵⁹. Описывая спонтанные «места поклонения», фольклорист Джек Сантино, предложивший термин «спонтанная мемориализация», выделяет два аспекта их создания: коммеморацию (поминовение) и перформативность – попытку повлиять на зрителей или убедить их в чем-то⁶⁰, создать социально-политическое высказывание. Также в спонтанном мемориале важна его публичность. Он приглашает к участию прохожих, которые трансформируются из пассивных наблюдателей, как в театре, в активных участников, как в ритуале⁶¹.

При исследовании спонтанной мемориализации антропологи выделяют еще две черты актов публичного поминовения, совершаемого людьми, которые не опираются на официальные образцы и не руководимы институтами. Во-первых, такие мемориалы становятся выражением локальной идентичности – попыткой почувствовать себя сообществом, имеющим право на собственный голос и объединенным общей историей.

К примеру, памятник у ручья Пьянка, установленный краеведом, по ее словам, ради сохранения памяти о погибших, постепенно стал служить объединению местного сообщества. Родственники захороненных крестьян стали обращаться с просьбой указать на новом памятнике имена членов их семей. Жительница соседнего села Шумиловка рассказала краеведу Т. М., что навещает обелиск каждый год в поминальный день: «Каждую Пасху приходит, конфеточки кладет. Я говорю: „А кто там у вас?“ „Родственники, родственники моего мужа“. Какие-то дальние деды, вот тоже они, говорит, участвовали в этой... Даже она мне кличку [погибшего родственника] сказала – Богомол»⁶².

Во-вторых, согласно Эрике Досс, вернакулярные мемориалы становятся проявлением политической позиции⁶³. Однако, как показала полевая работа, память и мемориализация крестьянского восстания политизируются только сторонниками проантоновского сообщества памяти, создающего героический нарратив. Они проводят параллели между событиями современности и историей восстания. К примеру, один из респондентов, бизнесмен Н. С., сравнивал тяжелую жизнь крестьянства сейчас и в 1920-х и, сделав вывод об их сходстве, сожалел о том, что никакой народный бунт больше невозможен из-за урбанизации и отъезда потенциальных бунтовщиков в города на заработки.

При этом респонденты, поддерживающие «красный» жертвенный нарратив и называющие Антонова бандитом, воздерживались от того, чтобы проводить параллели между восстанием и настоящим. Упомянув о Большом терроре или раскулачивании, они также не проводили параллели между ними и восстанием, не превращали его в основу для про- или антивластной позиции, а создавали образ прошлого, оторванный от настоящего. Погибшие в 1920-х крестьяне оказывались жертвами бессмысленной, непонятно как и зачем поднявшейся силы, больше себя не проявлявшей.

Во многих случаях политическое высказывание авторов памятников направлено на поиск путей примирения когда-то враждовавших сторон. Помимо монумента у ручья Пьянка, Т. М. установила в окрестностях Трескина еще три памятника. Один – на могиле местных

⁵⁹ Doss E. The Emotional Life of Contemporary Public Memorials. P. 15.

⁶⁰ Сантино Дж. Перформативные коммеморативы: спонтанные святилища и публичная мемориализация смерти // Фольклор и антропология города. 2019. № II (1–2). С. 19–20.

⁶¹ Там же. С. 18.

⁶² Т. М., ж., 57 лет, с. Трескино Инжавинского района Тамбовской области, 01.05.2018.

⁶³ Архипова А. С., Козлова И. В., Гаврилова М. В. Кричать нельзя молчать: горе как акт протеста или лояльности // Фольклор и антропология города. 2019. № II (1–2). С. 101.

жителей, предположительно братьев, по фамилии Севастьяновы. Еще один – на местах убийства заложников (родственников восставших, убитых красноармейцами за отказ выдать их), третий – на могиле одиннадцати жителей Трескина, которые, по местной легенде, отказались выдать красноармейцам убийц уполномоченного ЧК города Кирсанова по фамилии Сачко.

В случае с Севастьяновыми краеведу не удалось установить ни количество расстрелянных, ни степень их родства и выяснить, к какой стороне конфликта они принадлежали. Краевед Т. М. предполагала, что установила памятный знак на месте расстрела коммунистов восставшими, но позже нашла информацию о том, что Севастьяновы были антоновцами, казненными красноармейцами. Отношение краеведа к памятнику это не изменило, менять его внешний вид она не стала. На вопрос интервьюера, кто из погибших заслуживает мемориализации, Т. М. ответила: «Почему этих убивали и этих убивали? <...> Обозначать места надо всех»⁶⁴.

Краевед Н. Г. из Калугина также установил один из мемориалов на месте вооруженного столкновения, в котором, среди других восставших, погиб его прадед Семен Попов. Несмотря на личную связь с жертвой, надпись на памятнике нейтральна: «Погибшим антоновцам и красноармейцам».

В интервью краеведы Инжавинского района воспроизводили упомянутый выше «жертвенный нарратив», подчеркивали потребность увековечить память всех погибших, объясняли необходимость установки памятника самим фактом случившегося события и важностью примирения. Они неоднократно упоминали предложение мичуринского историка Николая Тюрина, автора романа «Антонов. Последний пожар», установить «Памятник примирения»: «Мать в центре стоит, с одной стороны сын ее – „антоновец“ с шашкой, в папаше набекрень, на коленках, или как он там стоит, а с другой стороны – второй сын, „красный“ комиссар»⁶⁵.

Выяснение деталей события, вынесение уроков или обличение виновных оказывалось менее значимо для респондентов. При этом жертвы восстания пострадали не от конкретного режима, лидера или политических событий, а стали жертвами рока.

На памятнике расстрелянным заложникам Т. М. написала цитату из стихотворения Максимилиана Волошина: «И там и здесь между рядами / Звучит один и тот же глас: / „Кто не за нас – тот против нас. / Нет безразличных: правда с нами“. / А я стою один меж них / В ревущем пламени и дыме / И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других».

При этом важно отметить внерелигиозность вернакулярных мемориалов. Несмотря на то что многие из них представляют собой могильные камни, установка креста над ними кажется в большей степени использованием традиционной формы памятника и «языка погребального ритуала»⁶⁶, чем обращением к церковным символам. Вокруг памятников не сложилось религиозных ритуалов⁶⁷ или свойственных спонтанным мемориалам, согласно Елене Югай, магических практик⁶⁸. Как считает исследователь памяти Михаил Немцев, православная символика появляется в оформлении публичных захоронений, поскольку других языков для символизации памяти и поминовения в современной России нет и православная церковь оказалась единственным носителем легитимной и достаточно мощной символической системы, которая смогла прийти на место советской⁶⁹.

⁶⁴ Т. М., ж., 57 лет, с. Трескино Инжавинского района Тамбовской области, 01.05.2018.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Только мемориал у ручья Пьянка, по словам краеведа Т. М., посещают на Пасху – но это единственное в моих интервью упоминание ритуала, связанного с религией.

⁶⁸ Югай Е. «Святая» Юлия. Почему могилы звезд шоу-бизнеса могут стать популярным местом поклонения // N+1. 2019. 22 октября. <https://nplus1.ru/material/2019/10/22/saint-yulia>.

⁶⁹ Немцев М. О будущем, или Зачем нам памятники // 60 параллель. 2010. № 1. http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/09.pdf (дата обращения 20.01.2021).

АУДИТОРИЯ МЕМОРИАЛОВ

Я предполагаю, что основная аудитория памятников, по замыслу их авторов, – сельские сообщества. Мемориалы служат передаче исторической памяти внутри них. Интересно, что один из авторов мемориалов в интервью сожалел, что не смог привлечь достаточное внимание к ним местных жителей и родственников захороненных:

Я удивляюсь, почему у нас такой народ – не интересуется своими родственниками. <...> Вот этих погибших, я их объехал, предупредил, что будет открытие памятника. «Толя, там твой дед, прадед, ты знаешь?» «Да знаю, мне некогда». «Как некогда, ты куда?» «Я в Инжавино сейчас еду». «Толя, памятник будем ставить у оврага, сто метров от дороги, заверни в 10 часов». «Нет, мне некогда»⁷⁰.

При этом, по моим наблюдениям, чаще всего авторами вернакулярных мемориалов становятся краеведы, не объединенные в сообщества памяти.

Другая важная аудитория подобных мемориалов, в терминологии Елены Югай, – сверхъестественный адресат – «духи и души», «недавно умершие и незабытые жертвы трагедий, убийств, несчастных случаев»⁷¹, то есть, в нашем случае, жертвы восстания. Согласно интервью, инициаторы установки могильных памятников чаще всего были заинтересованы в личностной идентификации захороненных, пытались проследить их биографии. Впрочем, если их изначальное представление о том, кто захоронен на месте мемориала (к примеру, красноармейцы, а не восставшие), расходилось с найденной информацией или легенда, стоявшая за памятником, обнаруживала свою неправдивость, отношение к мемориалу не изменялось.

Как считает Джек Сантино, спонтанные места поклонения служат коммуникации между мертвыми и живыми, возвращают умерших людей в ткань общества, помещают их в повседневность. Места поклонения предполагают присутствие отсутствующих людей в самом сердце социальной жизни⁷² – в нашем случае в сельском сообществе.

Помимо погибших, аудиторией мемориалов оказывались их потомки. К примеру, среди жертв массового расстрела под Трескином Т. М. удалось узнать имя только одного человека, лавочника Александра Волчанского. Его правнуки обратились к респонденту с просьбой найти его могилу. Несмотря на отсутствие точной информации о том, что лавочник захоронен именно здесь, краевед записала на самодельном памятном знаке его имя: «Уважаемые люди Трескино (в том числе лавочник Александр Волчанский) погибли как заложники в 1920-м». Респондент объяснила свое действие стремлением угодить правнукам погибшего, которые безнадежно разыскивали могилу предка. Именно они, наряду с жертвой, являются главными адресатами памятника⁷³.

⁷⁰ Н. Г., м., 68 лет, с. Караваино Инжавинского района Тамбовской области, 01.05.2018.

⁷¹ Югай Е. Ф. (Не)вечная память: жизнь и смерть спонтанных мемориалов // Фольклор и антропология города. 2019. № II (1–2). С. 136, 141.

⁷² Сантино Дж. Перформативные коммеморативы: спонтанные святилища и публичная мемориализация смерти // Фольклор и антропология города. 2019. № II (1–2). С. 23–24.

⁷³ Похожую историю мемориала над могилами жертв восстания и поиска имен захороненных в нем людей см. в главе 2.

«МЕСТА ПАМЯТИ» ДЛЯ ЛЮДЕЙ ИЗВНЕ И СКРЫТЫЕ «МЕСТА ПАМЯТИ»

В отличие от анализируемых выше «мест памяти» в Инжавинском районе есть два мемориала, созданные в расчете на привлечение внимания людей, не являющихся частью сельского сообщества. Владелец отеля «Русская деревня» в селе Карандеевка Н. С. установил на его территории крест в память о погибших антоновцах и стелу со звездой в честь красноармейцев.

Н. С. – уроженец Инжавинского района и один из ярких представителей сообщества памяти, симпатизирующего восставшим и транслирующего описанный выше героический нарратив. В интервью он объяснил: «Я думаю, что я потомок вот этих гордых народов. Поэтому я обязан чтить память о них. Память в том числе выражается символически, в виде памятника, который я поставил»⁷⁴.

Первым респондент решил установить на принадлежащем ему участке земли монумент восставшим крестьянам, но потом, чтобы, по его словам, «уравнять в истории сопротивляющихся, участников вот этого восстания»⁷⁵, поставил рядом памятник красноармейцам.

Хотя монументы были установлены на месте, не связанном с историей восстания⁷⁶, Н. С. было важно вписать памятники в нее, легитимировать их установку. Недостаток истории места он попытался компенсировать историей самих монументов. Для памятника красноармейцам бизнесмен использовал, как он объяснил в интервью, кирпичи от аналогичного монумента, стоявшего на территории усадьбы после революции, когда она была школой. Старого памятника антоновцам в округе быть не могло, и Н. С. использовал для него камень, на котором, по пересказанной им легенде, сидел Антонов:

Внизу, река Ворона под горой протекала, там было место у камня, где проводил Антонов «летучки», у командиров повстанческого движения «летучки». Я спросил, а какой камень, а где он. Все говорят, вот он там был, русло реки изменилось, его в болото засосало, этот камень. Примерно показали, где, мы запустили сюда бульдозер, сняли грунт, нашли этот камень. Привезли его сюда, и вот мне тем самым этот памятник, камень, не просто, как памятник, но он и как предмет, к которому прикасались руководители повстанческого движения, дорог. И вот я вместе с этим камнем сюда привнес и дух вот этого повстанческого движения. И это действительно памятник, на самом деле. Если кирпичи – это как бы символ какой-то красноармейцам, то камень – это дух реальный⁷⁷.

⁷⁴ *Сайтито Дж.* Перформативные коммеморативы: спонтанные святилища и публичная мемориализация смерти // Фольклор и антропология города. 2019. № II (1–2). С. 23–24.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Отель был открыт в здании дворянской усадьбы 1905 года, после революции национализированной и перестроенной в школу, а потом спортивный лагерь.

⁷⁷ Н. С., м., 65 лет, д. Карандеевка Инжавинского района Тамбовской области, 05.05.2018.

Ил. 2. Заливные луга вокруг реки Вороны около села Карандеевка. Фото Е. Рачевой

Ил. 3. Памятники крестьянам (слева) и красноармейцам (справа) в селе Карандеевка во дворе отеля «Русская деревня». Фото Е. Рачевой

Стоит отметить, что местные жители восприняли этот рассказ скептически, в существовании «летучек» восставших усомнились и предположили, что легенда придумана Н. С. в расчете на посещающих Карандеевку туристов.

Я предполагаю, что описанные выше памятники перформативны и призваны не столько увековечить память жертв восстания, сколько рассказать о его событиях людям, незнакомым с ними. На первый взгляд, они выполняют традиционную роль туристической достопримечательности, хорошо заметной на территории отеля. В интервью Н. С. сам характеризует памятники как рассчитанные на внешнюю аудиторию, но не столько на туристов и широкую общественность, сколько на людей, отвечающих за формирование исторической политики в Тамбовской области:

Когда приезжают сюда официальные делегации какие-то, в том числе губернатор области – господин Никитин, то я даю поручение администраторам, мы готовим какой-то букет цветов... И вот после посещения музея я подвожу эту делегацию к памятнику, рассказываю о событиях, тут же даем группе цветы, и ничего не остается губернатору, как возложить эти цветы к памятникам. Собственно, мне хотелось, чтобы его замы, помы видели, что раз губернатор это делает, значит, и они должны делать. <...> Если они будут в других районах и местах [тоже поймут], что это не зазорно, что это память и дань памяти нашим предкам⁷⁸.

Рефреном через интервью Н. С. проходит жертвенный нарратив. Респондент утверждает, что восставшие крестьяне были невинными жертвами, а подавление восстания и вообще вся советская политика в отношении крестьянства были «ошибочными, губительными, преступными»⁷⁹. Н. С. утверждает, что добивается официального признания этой точки зрения властями. Как и другие вернакулярные мемориалы, памятники респондента не идут на конфронтацию с государственной политикой, но оказываются средством для привлечения внимания широкой публики к альтернативному нарративу и сознательной манипуляцией властями, от которых зависит выработка официальной линии памяти.

Отдельно я бы хотела выделить «места памяти» – в основном места гибели восставших, – которые были созданы местными жителями так, чтобы сохранить память о событии в своем кругу, но не привлечь внимание к нему посторонних (чаще всего еще советских властей): например, камнем на земле, посаженным деревом. Позже, с изменением политической ситуации, на некоторых из этих мест появлялись мемориалы.

К примеру, согласно локальному мифу, на месте упоминавшегося выше убийства повстанцев у ручья Пьянка под селом Трескино выросло грушевое дерево. По словам краеведа Т. М., до установки на этом месте вернакулярных мемориалов именно груша символизировала для местных жителей место расстрела. Его наполняли большим символическим смыслом и почти сакрализовали. В интервью респондент вспомнила, как водила к месту захоронения своих учеников: «У Пьянки груша стоит, и там один из учеников говорит: „Давайте ее спилим“. А я говорю: „А посмотрите, сколько у груши этих...“ Ну, как они... ствол не назовешь, как мелкие веточки. „А может быть, по количеству, – говорю, – лежащих“. Они со мной согласились, говорят, не будем»⁸⁰.

О похожем месте памяти рассказал респондент Н. С., житель Трескина. Оно посвящено молодому антоновцу, застреленному красноармейцами около деревни в 1920 году. Дед респондента похоронил убитого недалеко от своего дома. По словам Н. С., дед хотел как-то отметить место захоронения, но ставить крест побоялся, красная звезда на этом месте была неуместна. В

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Т. М., ж., 57 лет, с. Трескино Инжавинского района Тамбовской области, 01.05.2018.

результате дед респондента посадил у могилы куст сирени. Как объяснил в интервью респондент, власти приходят и уходят, а «сирень-то – он не пропадет, он вечный растет»⁸¹.

Важно отметить, что оба мемориальных места создавались в условиях, когда создать «место памяти» было невозможно и оставалось рассчитывать на изменение условий в будущем. Ощущение дискретности исторического времени, жизни с осознанием изменчивости политической конъюнктуры и необходимости сохранять память до лучших времен кажется важным выводом из рассказов о подобных скрытых вернакулярных мемориалах.

ВОЙНА ПАМЯТИ

Отдельно сто́ит остановиться на целой «войне памяти» в селе Нижний Шибряй Уваровского (соседнего с Инжавинским) района.

На окраине села, на краю незасеянного поля находится место убийства Александра Антонова и его брата Дмитрия. Жители Тамбова и Инжавинского района, составляющие основу местного проантоновского сообщества памяти, установили на этом месте последовательно восемь памятных крестов. Первый из них, по словам респондента А. Е., был поставлен в 1975 году, но быстро исчез, как и последующие семь. Члены сообщества памяти устанавливали новые памятники раз в несколько лет, но спустя различные промежутки времени кресты пропадали.

Как рассказала в интервью И. Д., бывший (в 2013–2017 годах) директор посвященного Антонову Нижнешибряйского краеведческого музея⁸², и кресты, и оставленные на месте убийства цветы и фотографии пропадали почти сразу же:

Стали там цветы класть, их разбрасывали и сжигали. Потом поставили там крест <...> Через некоторое время я повела туда делегацию, сказала, что там есть крест. Но какое же было удивление, когда ни креста, ничего не было. Ну, фотографию мы еще более-менее нашли, это там была кучка пепла, и видно было, что фотографию сожгли. Но креста... Он пропал, и даже вот место, где стоял крест, хоть бы вот ямочка какая-то была, что-то должно быть видно – вообще ничего. Как будто и не стояло ничего⁸³.

⁸¹ Н. С., м., 65 лет, д. Карандеевка Инжавинского района Тамбовской области, 05.05.2018.

⁸² Музей был открыт в 2011 году по инициативе главы Уваровского района «с целью более глубокого изучения крестьянского восстания под предводительством Антонова А. С. в селе Нижний Шибряй» и посвящен быту крестьян и истории восстания. См. об этом: Официальный сайт Нижнешибряйского филиала МБОУ Моисеево-Алабушской сош Уваровского района Тамбовской области. <http://shibreya-school.68edu.ru/?p=1085> (дата обращения 20.01.2021).

⁸³ И. Д., ж., 62 года, с. Нижний Шибряй Уваровского района Тамбовской области, 07.05.2018.

Ил. 4. Камень на месте убийства Александра Антонова и его брата Дмитрия на окраине села Нижний Шибряй, установленный в 2017 г. Фото Е. Рачевой

Как удалось выяснить во время полевой работы, кресты убирали жители Нижнего Шибряя. По словам местной пенсионерки Л. Л., «старшее поколение, старожилы вот эти были, они потихоньку ночью ходили и убирали. Потому что они были, ну, как, знаете, как заложено в них, в них же заложено это было, что он [Антонов] бандит. Им страшно сейчас становится, что он сейчас стал героем»⁸⁴.

Все респонденты, поддержавшие уничтожение крестов, разделяли «красный» жертвенный нарратив, при этом, как и в других местах полевой работы, не были объединены в сообщества памяти, не знали друг о друге и не верили в существование большого количества людей с противоположным отношением к Антонову и восставшим.

В итоге в 2017 году члены сообщества памяти установили на месте убийства большой мемориальный камень, который невозможно снести без использования тяжелой техники. Таб-

⁸⁴ Л. Л., ж., 58 лет, с. Нижний Шибряй Уваровского района Тамбовской области, 07.05.2018.

личка на камне кажется ярким примером построения проантоновского нарратива: «На этом месте 24.06.1922 г ушли в Бессмертие руководитель крестьянского восстания Антонов Александр Степанович (9.08.1889 г) и его брат Антонов Дмитрий Степанович (7.11.1896 г). Вечная память»⁸⁵.

Интересно, что церемония установки памятника была рассчитана только на членов сообщества памяти и их гостей, в основном жителей Тамбова, Москвы и других больших городов. Жителей Нижнего Шибряя об установке памятника не предупредили и на него не позвали. Вероятно, авторы памятника, во-первых, предполагали, что селяне будут настроены к нему враждебно, и хотели избежать конфликта. Во-вторых, вероятно, что установка камня служила укреплению и объединению сложившегося сообщества памяти, а не (как памятники в Карандеевке) привлечению широкой аудитории и изменению локального нарратива. Вероятно, поэтому она была обставлена как частный праздник, а не общественное коммеморативное событие: на поле вокруг мемориального камня раскинули шатры, кейтеринговая компания из Тамбова привезла еду и напитки, приглашенных обслуживали официанты.

Спустя год после установки памятника, во время моей полевой работы, жители Нижнего Шибряя все еще терялись в догадках относительно того, кто установил камень. Рассказы об этом событии звучали комично. Одна из местных жительниц в интервью заявила, что ее испугал приезд в село посторонних людей. Она услышала, что они используют нецензурную брань в разговоре между собой, и на основании этого обратилась в полицию. Полицейские приехали в село, обошли шатры со столами, проверили документы у собравшихся, не нашли нарушений и уехали.

Члены «сообщества памяти» также старались не афишировать свою роль в установке памятника и признавали ее только в ответ на мой прямой вопрос. Глава Нижнешибряйского сельсовета Александр Королев заявил, что в день открытия памятника был в отъезде, не знает его инициаторов и так же растерян, как и односельчане. Однако респондент А. Е. прокомментировал это так: «[Мы] втроем ходили, место [для памятника] выбирали. Что он дурку гнет?»⁸⁶

Парадоксально, но моя полевая работа показала, что местные жители в целом индифферентны к установке памятника. Нижний Шибряй вытянут с севера на юг, и жители южной части села говорили мне, что много лет не были в северной и не слышали ни про установку камня, ни про уничтожение крестов. Мой рассказ об установке памятника Антонову оставил равнодушными даже тех жителей, чьи предки участвовали в восстании.

В разговоре и с А. Е., и, позднее, с жителями Нижнего Шибряя удалось выяснить, что одним из основных антагонистов мемориализации памяти об Антонове оказался владелец земельного участка под местом убийства братьев Антоновых, живущий в Москве и приезжающий в родовую деревню несколько раз в год. Он отказался давать интервью и не дал разрешение на использование своей фамилии, но в неформальном разговоре подтвердил, что именно он снес несколько установленных на месте могилы крестов. В его семье сохранилась память о предках, погибших от рук антоновцев, поэтому его возмутила установка крестов и мемориала. В разговоре со мной владелец земли заявил, что планирует обнести свой земельный участок забором, чтобы помешать коммеморативным мероприятиям на нем. Помимо самозахвата чужой земли, он обвинил авторов мемориала в нарушении исторической правды: в его семье сохранилась память о том, что место убийства было расположено в 500 метрах от того места, где был установлен памятник, – в низине, где он был бы незаметен, куда сложно было бы доставить мемориальный камень и подъехать на машине ради торжественной церемонии.

⁸⁵ Орфография оригинала сохранена.

⁸⁶ А. Е., м., 70 лет, д. Ивановка Уваровского района Тамбовской области, 07.05.2018.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полевая работа в Тамбовской области показала, что восстание не ощущается местными жителями как произошедшее очень давно. Его следы постоянно возникают и в социальной памяти, и в топографии деревень, затронутых им, и в ландшафте.

Особенность моей полевой работы состояла в том, что она проходила в сельской местности, практически не затронутой государственной мемориальной политикой. Мое исследование показало, что у сельских жителей оставалось широкое пространство для трансформации государственных или создания собственных коммеморативных практик. Установленные местными властями монументы, изначально созданные как «закрытые», фиксирующие определенную интерпретацию исторического события – например, глорифицирующие Вторую мировую войну, они использовали как «открытые» – например, для коммеморации жертв всех войн и массовых репрессий XX века.

Мне удалось выделить два основных нарратива рассказа о событиях восстания: героический и нарратив жертвы. Первый встречался реже, воспроизводили его в основном люди, использующие образ восставших для конструирования собственной идентичности и легитимации своей нынешней политической позиции, часто объединенные в сообщества памяти и заинтересованные в мемориализации восставших. Жертвенный нарратив чаще использовали не объединенные в сообщества люди с коммунистическими взглядами, считавшие восставших бандитами и настроенные против их коммеморации.

Помимо практик мемориализации, направленных на сельское сообщество, мне удалось обнаружить памятники (мемориалы в деревне Карандеевке и камень на могиле Антонова в Нижнем Шибряе), созданные, чтобы привлечь внимание внешней аудитории и официальных властей к альтернативному нарративу восстания, сформированному местным сообществом памяти. Более того, оказалось, что в деревне Карандеевке его члены пытаются влиять на историческую политику, предлагая попадающим в деревню представителям властей возлагать цветы к памятникам восставшим и красноармейцам и провоцируя их на публичные высказывания о восстании.

В целом, как показало настоящее исследование, несмотря на прошедшее столетие события восстания под предводительством Антонова остаются важными для многих жителей мест, где они проходили, влияют на построение людьми собственной идентичности и объединение в сообщества памяти. А коммеморативные практики направлены на то, чтобы дать местным жителям возможность почувствовать себя сообществом, объединенным общей историей, общими потерями и общей борьбой.

ГЛАВА 2. УВАРОВО: «НАС ЧТО-ТО ДОЛЖНО ОБЩЕЕ ОБЪЕДИНЯТЬ»

Память о Тамбовском восстании в «красном селе»

Миронова Е. И.

В 1920–1921 годах село (а ныне город) Уварово Тамбовской губернии стало одной из ключевых точек вооруженного крестьянского восстания против советской власти – антоновщины. В этой главе речь пойдет об истории практик поминовения участников тех событий на протяжении последних 100 лет – с 1921 по 2020 год.

В эволюции уваровских практик поминовения можно выделить несколько фаз. Первые захоронения на центральной площади села относятся ко времени сразу после окончания восстания. В «оттепельные» годы масштабная (по сельским меркам) реконструкция площади совпала с ростом интереса к событиям почти полувековой давности и сбором новых свидетельств краеведами. На рубеже 1980–1990-х и в 1990-х – начале 2000-х вновь поменялись одновременно и городской символический ландшафт (возобновление служб в православных приходах), и отношение к восстанию и восставшим. Эти фазы и будут ниже освещены.

В своем анализе я буду опираться на два основных комплекса источников. Во-первых, это материалы устных интервью, собранные в Уварове и Уваровском районе Тамбовской области во время полевой экспедиции в рамках проекта «После бунта» в мае 2018 года, и повторные интервью с отдельными информантами, проведенные в 2020 году⁸⁷. Во-вторых, это коллекции документов и тематические подшивки⁸⁸. В этих альбомах, сохранившихся в Уваровском краеведческом музее, собраны материалы и документы, отразившие историю крестьянского восстания в Уваровском районе, в том числе заметки об участниках борьбы с «белобандитами», тематические публикации в СМИ, отдельные воспоминания. Также в них сохранились материалы переписки очевидцев и участников событий, планы и программы создания специальных мемориалов в Уварове, фотографии действующих лиц локальной истории крестьянского восстания и героев Гражданской войны, подборка разнообразной печатной графики – открытки, иллюстрации, вырезки газетных заметок с рисунками на революционную тематику. Эти материалы вместе с собранными в экспедиции интервью позволяют проследить историю и приблизиться к пониманию логики развития памяти о крестьянском восстании с самых первых дней и до сегодняшнего времени.

УВАРОВО И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Датой начала Тамбовского крестьянского восстания принято считать 21 августа 1920 года⁸⁹. Первыми против жестоких, доходящих до иррациональности мер продовольственной

⁸⁷ Основная часть массива интервью опубликована на сайте проекта «После бунта» <https://archive.warandpeasant.ru/> (дата обращения 07.05.2020).

⁸⁸ Книги-альбомы «Борьба за советскую власть в Уварове» (1967), «Уварово в период Гражданской войны. 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971), «Гражданская война на Украине. Война с бандой Антонова на Тамбовщине. Встреча с Великим Лениным» (1966–1967). Все названные материалы и документы были обнаружены в хранении Краеведческого музея Уварова, доступ к документам любезно предоставил директор музея В. В. Таров.

⁸⁹ Было ли это выступление самостоятельным, какова роль партии эсеров и подпольных комитетов Союза трудового крестьянства (СТК) в подготовке и инициировании начала восстания, в какой степени сказались проблемы масштабного дезертирства на социальной обстановке в губернии накануне событий – эти вопросы все еще остаются насущными для обсуждения в современной историографии, посвященной проблеме тамбовской антоновщины. См., например: *Алексин П. Ф.* Тамбовское

политики военного коммунизма выступили жители села Каменка Тамбовского уезда⁹⁰. Объединившись с отрядом дезертиров, они с боем изгнали из своего села советских армейцев (продотряд и отряд по борьбе с дезертирством). Так началось Антоновское восстание, названное в честь возглавившего его эсера (бывшего политкаторжанина, после Февральской революции – начальника Кирсановской уездной милиции) А. С. Антонова. Выступление в считанные недели охватило крупные уезды Тамбовской губернии. Уже первые бои показали, что новая власть столкнулась с серьезным организованным сопротивлением. Для подавления начавшегося бунта правительство встало на позиции жесткой репрессивной политики⁹¹. Тем не менее ареал восстания продолжал шириться, росла численность партизанской армии⁹², а карательные действия мятежников были сопоставимы по жестокости с насилием со стороны красноармейских отрядов⁹³.

Зимой 1921 года одной из «горячих точек» Тамбовского крестьянского бунта стал юг губернии – Борисоглебский уезд, в частности Уваровская волость. Здесь впоследствии погибнет предводитель повстанцев – А. С. Антонов, и с его гибелью завершится одно из крупнейших выступлений крестьян против советской власти за всю ее историю.

После административной реформы 1779 года село Уварово числилось в составе Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, а в конце следующего столетия стало волостным центром. Начиная с XIX века на повседневную жизнь крупного села большое влияние оказывало развитие сельскохозяйственного и товарного производства: здесь были спичечный, кирпичный заводы, маслобойные и крахмальный заводы, сукновалка. В селе с 1883 года действовала железнодорожная станция, школы, аптеки; через него проходил тракт Борисоглебск–Кирсанов, связывающий значимые центры губернии⁹⁴.

Революция пришла в Уварово стремительно. Уже в 1917 году земельные общества (которых в Уварове было два⁹⁵) были преобразованы в сельсоветы и названы Первое и Второе Уварово – эти названия сохраняются и сегодня. В конце ноября 1917 года был учрежден Волостной революционный комитет, а в декабре того же года – Волостной совет. Примечательно, что первым председателем Уваровского волсовета стал Мирон Леонтьевич Кабаргин, матрос из

восстание (1920–1921 гг.). «Антоновщина». М.: Издательские решения, 2016; *Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А.* Тамбовская Вандея: Антоновщина // Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий. М.: Голос-Пресс, 2010. С. 298–432; *Куреньшиев Г. Г.* Мифы и загадки «Антоновщины». Что собой представляло и кому угрожало крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920–1922 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6. Ч. 2. С. 47–50; *Никулин В. В.* Крестьянское восстание как проявление системного кризиса общества. К проблеме социально-экономических и политических предпосылок антоновского восстания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6. Ч. 2. С. 83–86; *Данилов В., Есиков С., Капищев В., Протасов Л.* Введение // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1922 гг. Документы и материалы / Отв. ред. В. Данилов и Т. Шанин. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994.

⁹⁰ *Самошкин В. В.* Антоновское восстание. Документальный очерк. М.: Русский путь, 2005. С. 29–30.

⁹¹ Показательные расправы над участниками мятежа и целыми «злобандитскими» селами приводились в исполнение зачастую без разбора ситуации. Среди постоянных практик подавления и деморализации противника применялись: взятие в заложники старшего мужчины в семье участника «банды», пытки, казни, концлагеря, фуражировка имущества и сжигание целых населенных пунктов, сочувствующих или заподозренных в сочувствии восставшим.

⁹² К концу осени она насчитывала 10 тысяч человек, а к февралю 1921 года увеличилась в четыре раза (см.: *Данилов В., Есиков С., Капищев В., Протасов Л.* Введение // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1922 гг. Документы и материалы / Отв. ред. В. Данилов и Т. Шанин. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994; *Самошкин В. В.* Антоновское восстание. С. 58–59).

⁹³ См.: *Данилов В., Есиков С., Капищев В., Протасов Л.* Введение // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1922 гг.

⁹⁴ *Акиндинов А. И., Снытко М. К.* Город Уварово. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. <https://uvarov0.livejournal.com/00440128.html> (дата обращения 07.05.2020).

⁹⁵ Земельное сообщество (сельское общество) – единица хозяйственного самоуправления крестьян Российской империи. Сообщества составлялись из крестьян, проживающих в одном селении или в нескольких соседних селениях. Общества управлялись сельскими сходами, избираемыми сельских старост.

группы вернувшихся осенью 1917 года боевых петроградских матросов, принесших «весть об Октябрьской Революции»⁹⁶ в свое родное село и вставших затем во главе новой волостной власти⁹⁷. В 1918–1919 годах в Уварове были организованы и действовали волостной исполком, комитет бедноты, отдел по борьбе с контрреволюцией⁹⁸.

Впервые громко антоновцы заявили о себе в уваровских предместьях в конце лета 1920 года, совершив налет на село Верхний Шибряй⁹⁹. В это же время в волость вторглись отряды мятежников под командованием полковника А. В. Богуславского. Массовые выступления повстанцев на территории волости уваровский краевед А. И. Акиндинов с опорой на данные РГВА относит к сентябрю 1920 года. Тогда антоновцами были заняты деревни Моздок, Алкалатка (Алкаладка), а также районы Шевлягинской степи, Моисеево-Алабушки, Энгурозовских выселок и окрестные с ними села. К концу месяца густые леса, опоясавшие Уварово, стали местом концентрации повстанческих отрядов¹⁰⁰.

В январе 1921 года восстание в губернии достигло своего пика. К этому времени оно получило отклик в пограничных уездах Воронежской и Саратовской губерний, и в феврале власти предприняли самые решительные меры по его подавлению: на борьбу с повстанцами были выделены крупные воинские формирования, передовая боевая техника¹⁰¹. Оба «больших» похода на Уварово, которое осталось в те дни одним из немногих сел Борисоглебского уезда, верных советской власти¹⁰², преследовали цель захватить железнодорожную станцию и были частью проведенных в январе 1921 года рейдов по железнодорожной ветке¹⁰³. Именно железная дорога стала главным инфраструктурным преимуществом советских вооруженных частей.

Первая и неудачная попытка захватить село была предпринята антоновцами 7 января: уже к вечеру этого дня они, подойдя к Уварову со стороны Петровского, были выбиты из села силами отряда ЧОН¹⁰⁴. Второй поход на Уварово мятежники совершили ровно через две

⁹⁶ Воспоминания Дроздова М. П. «Мои воспоминания годы 1918–1921», записаны в 1967 году, рукопись // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Борьба за Советскую власть в Уварове». 1967 год. Л. 1 (20) – 1 об. (20а).

⁹⁷ Там же; *Евдокимов А. В.* Простая правда жизни. Т. 2. Тамбов: Тамбовский полиграфический союз, 2017. С. 213.

⁹⁸ Из шестнадцати членов Уваровского волисполкома восемь были крестьянами, по одному – от судебных органов и купечества, а также агроном, земский врач и три разночинца (*Колчинский Д. В.* Уездные и волостные исполнительные комитеты в Тамбовской губернии в 1917 г. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 11 (139). С. 268).

⁹⁹ *Акиндинов А. И.* «Уварово в период гражданской войны. 1918–1921», машинопись // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971). Л. 5. См. также интервью правнука участника событий, А. С., м., 45 лет, г. Уварово Тамбовской области, 05.05.2018. <https://archive.warandpeasant.ru/documents/4c295ccee730bb73c38b4436d9f9a278#> (дата обращения 07.05.2020).

¹⁰⁰ Впрочем, в историческом очерке А. И. Акиндинова, написанном по материалам воспоминаний участников событий, указано, что местные контрреволюционные «банды» начинают формироваться в отряды в окрестностях Уварова уже в 1919 году. Известны имена нескольких лидеров «банд» из ближайших к Уварову сел: в Верхнем Шибряе – «Дергач», в Ольшанке – «Губан», в Моисеево-Алабушке – «Шурка/Сашка Кулдошин». Последний из упомянутых – Александр Борисович Кулдошин – в 1921 году возглавит 2-й Борисоглебский полк повстанцев, входивший в 1-ю Партизанскую армию (*Акиндинов А. И.* «Уварово в период гражданской войны. 1918–1921», машинопись // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971). Л. 3).

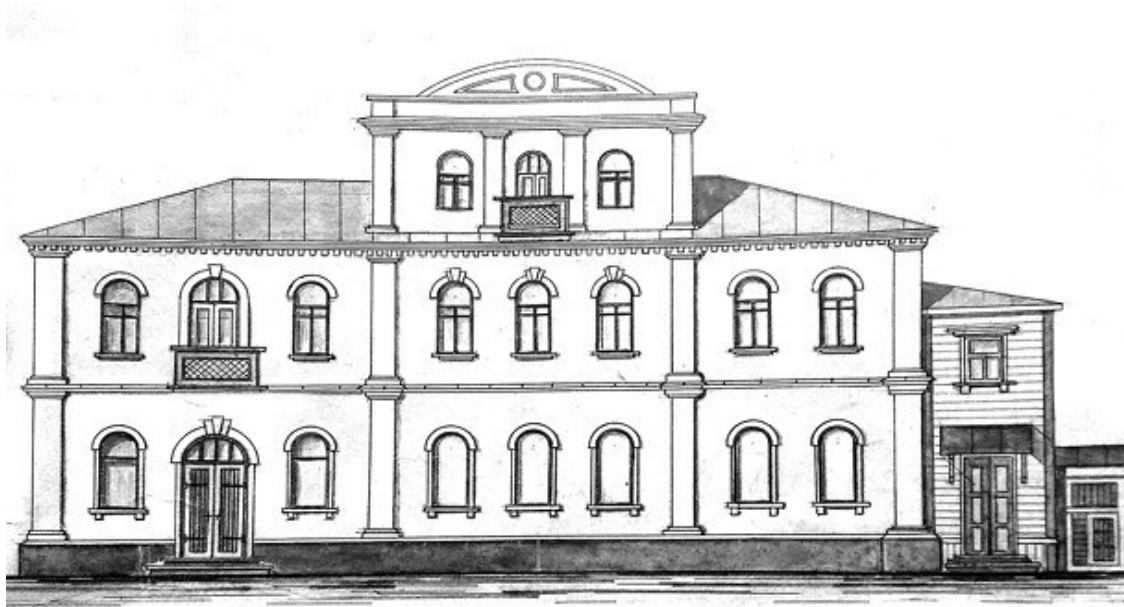
¹⁰¹ *Самошкин В. В.* Указ. соч. С. 71–76; *Данилов В., Есиков С., Капицев В., Протасов Л.* Введение // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1922 гг.

¹⁰² *Самошкин В. В.* Указ. соч. С. 76.

¹⁰³ В первые дни января 1921 года произошли мощные бои за станцию Волконскую (5 января), Токаревку и уваровскую Обловку (обе штурмовали 7 января), Рымареву (10 января) (*Самошкин В. В.* Указ. соч. С. 74).

¹⁰⁴ Отряды ЧОН (Части особого назначения) – «коммунистические дружины», военные отряды, создававшиеся при районных, городских, уездных и губернских комитетах партии, для помощи органам власти в борьбе с контрреволюционными выступлениями. По воспоминаниям В. А. Ревелева, уваровский отряд чоновцев был сформирован из добровольцев – коммунистов, комсомольцев, работников волисполкома, сельсоветов и актива комитета бедноты: «Основой всего было: взыскание

недели – 21 января. Отряды восставших, до этого укрывавшиеся в соседних лесах, подступили к селу со стороны Нижнего Шибря на рассвете 21 января, уничтожили заставу на мосту через реку Ворону¹⁰⁵ и почти сразу продвинулись в центр села. Следом с противоположной стороны, по дороге от села Петровского подоспели части 1-й Повстанческой армии – 5-й Пановский (под руководством К. И. Баранова) и 6-й Савальский (под руководством А. М. Каверина) полки¹⁰⁶. Оборонявший село отряд чоновцев и члены уваровского правления (всего до пятидесяти человек) вынуждены были отступать и забаррикадироваться в здании волисполкома¹⁰⁷.

*Здание, в котором помещался Уваровский Волисполком в 1918-1921 гг.
здесь же держал оборону Уваровский отряд Раифовкома, отрубленный
в течение пяти дней многотысячной армией Антоновцев зимой 1921 года.*

Ил. 1. Эскиз здания Уваровского волисполкома в 1918–1921 гг., в прошлом – дом помещика Некрасова (МБУК «Историко-краеведческий музей» г. Уварово. Лист не прикреплен к папке)

Несколько дней повстанцы убивали уваровских коммунистов, занимались мародерством, жгли дома мирных жителей, разгромили волисполком и магазины – во всяком случае, так опи-

чрезвычайных налогов с торговцев, кулаков; борьба за укрепление Советской власти, за помощь Красной армии, фронту, за хлеб; борьба с контрреволюцией, саботажем, за вывозку дров; борьба с дезертизмом, которое в то время было массовым» (Воспоминания В. А. Ревелева. «Отряд добровольцев», машинопись // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971). Л. 1). Подробнее о борьбе в Уварове в январе 1921 года см.: Акиндинов А. И. «Уварово в период гражданской войны. 1918–1921», машинопись // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971). Л. 7.

¹⁰⁵ Речь идет о так называемом «Бетонном мосте», возведенном в 1909 году через реку Ворону на тракте Уварово–Инжавино.

¹⁰⁶ Акиндинов А. И. «Календарь событий», составлен с опорой на материалы из фондов Центрального государственного архива Красной армии (Российский государственный военный архив) // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971). Л. 1.

¹⁰⁷ Воспоминания А. Пашкова «Пять дней, пять ночей» // Альбом «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971). Л. 1. Здание волисполкома (см. ил. 1), в прошлом – особняк помещика Некрасова, размещалось в центре Уварова, до наших дней не сохранилось.

сываются эти дни в воспоминаниях сторонников большевиков В. А. Ревелева, И. Г. Илларионова, А. Пашкова, В. Мешкова¹⁰⁸. В конце 1960-х годов очевидец А. Пашков описал трагические последствия пятидневной осады села: «Перед нами предстала картина, ужасная картина кровавых злодеяний, совершенных бандитами. . .»¹⁰⁹, «В эти дни были замучены Мирон Кабаргин, Ваня Солнцев, Захар Нехорошев, Василий Мыльцин и другие. С почестями мы их похоронили на братском кладбище»¹¹⁰.

По воспоминаниям А. Пашкова, на пятый день обороны их отряду удалось покинуть свое укрытие и прорваться к железнодорожной станции, на которой к этому времени уже находились части Красной армии¹¹¹. О том, что в 20-х числах января восставшие стали концентрировать силы для проведения масштабных военных акций, власти были информированы заранее и готовились к столкновению. В эти дни в соседнюю Саратовскую губернию прибыла 15-я Сибирская кавалерийская дивизия под командованием А. Г. Голикова. Два эскадрона дивизии были направлены на помощь уваровским защитникам советской власти. Вскоре к Обловке подошли также отряд Н. А. Переведенцева¹¹² (несколькими днями ранее он вел бои в Тамбовском уезде) и бронелетучка Сергея Саленкова¹¹³. Силами этого подкрепления удалось оттеснить повстанцев от Уварова. Благодаря сохранившимся воспоминаниям мы знаем имена погибших в эти дни со стороны «красных». Ветеран М. П. Дроздов вписал в список погибших члена волисполкома В. П. Сибилева (по другим сведениям, он погиб еще в 1920 году), заведующего волсобесом Т. Л. Пономарева и женорганизатора Агафью Будыкину¹¹⁴. В воспоминаниях А. В. Ревелева подробно рассказывается о гибели руководителя отряда чоновцев Дмитрия Сушкова. По сведениям А. Пашкова, в эти дни погибли руководители волостного управления – председатель волостного совета Мирон Кабаргин, уполномоченный губернского исполнительного комитета Иван Солнцев, делопроизводитель волостного военкомата Захар Нехорошев, комсомолец-активист Василий Мыльцин.

Несмотря на череду неудачных операций по захвату Уварова зимой 1921 года, лидеры восстания решились на еще одну попытку штурма. Отряды под руководством влиятельного повстанческого командира Ивана Колесникова ворвались в Уварово 9 марта, в советской литературе этот эпизод получил название «налет банд Колесникова»¹¹⁵, но атака была отражена силами стоявшего на Обловке 928-го стрелкового полка ВНУСа¹¹⁶ и 14-й кавалерийской бри-

¹⁰⁸ Указанные воспоминания собраны в альбоме «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971).

¹⁰⁹ Далее следует живописное и психологически тяжелое для восприятия описание Пашковым подробностей насилия и расправ антоновцев над коммунистами, в том числе повешений, отрубания голов, перебивания конечностей, выставления расчлененных трупов напоказ (Воспоминания А. Пашкова «Пять дней, пять ночей» // Альбом «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971). Л. 4).

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. Л. 3.

¹¹² Переведенцев Н. А., известный борец за установление советской власти в Борисоглебске. В 1918–1919 годах в качестве комиссара и командира своих же полков принимал активное участие в боях с белогвардейцами, имел опыт в подавлении мятежей и восстаний (*Самошкин В. В.* Указ. соч. С. 32).

¹¹³ Сергей Саленков – бывший студент, в 1920–1921 годах командир бронелетучки транспортной ЧК. Принимал участие в подавлении мятежа с его самого начала, первая боевая операция – 24 августа 1920 года (Там же. С. 31).

¹¹⁴ Воспоминания Дроздова М. П. «Мои воспоминания годы 1918–1921», записаны в 1967 году, рукопись // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Борьба за Советскую власть в Уварове». 1967 год. Л. 3 (22).

¹¹⁵ В альбоме «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971) сохранены вырезки газетных заметок на тему антоновщины, публиковавшиеся в местной прессе в конце 1960-х годов; среди подобных материалов – заметка под заголовком «Конец банды Колесникова» (газета «Заря коммунизма», публикация от 6 февраля 1968 года, № 16 (4798), авторство неизвестно). В историографии отряд Ивана Колесникова – одного из предводителей крестьянских повстанческих групп в Воронежском и Тамбовском уездах, именуется 1-й Богучарский полк антоновской армии (*Самошкин В. В.* Указ. соч. С. 92).

¹¹⁶ Внутренняя служба (Войска ВНУС) – Войска внутренней службы республики (Войска ВНУС) (войска внутренней службы) – спецформирования Советской России, выполнявшие задачу тыловой охраны государства.

гадой, подоспевшей к Уварову 10 марта¹¹⁷. В доступных нам исторических материалах этому эпизоду уделено значительно меньше внимания, чем январскому столкновению. Именно пятидневное противостояние Уварова повстанцам в январе 1921 года представляется в литературе ключевым событием в истории участия села в подавлении крестьянского бунта на Тамбовщине.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОХОРОНЫ. ЗАХОРОНЕНИЕ У СТЕН ЦЕРКВИ

26 января 1921 года¹¹⁸ на центральной площади Уварова, у стен «Старой церкви»¹¹⁹, прошли похороны. Описание похорон 26 января 1921 года мы можем найти в краеведческом очерке А. В. Евдокимова, написанном по воспоминаниям участника событий В. А. Ревелева¹²⁰. Похороны проводились в формате политизированной «красной панихиды»:

На траурном митинге при большом стечении народа выступал председатель райкома партии Попов Иван Спиридонович. Он говорил, что эти молодые люди погибли за светлое будущее, за наше счастье. В Уварове их никогда не забудут. Ликвидируем банду Антонова и в память о них воздвигнем величественный памятник. На их могиле всегда будут живые цветы...¹²¹

У могил павших товарищей коммунисты поклялись не класть оружия до полной победы над всеми врагами Советской республики¹²².

Место для захоронения сторонников новой власти не было случайным. До революции на центральной площади под стенами «Старой церкви» хоронили всех авторитетных и привилегированных людей Уварова, получивших при жизни признание общества и власти: духовенство¹²³, меценатов, местную знать. Всех же остальных жителей хоронили на кладбище за пределами села¹²⁴. Будучи одним из двух символических центров села еще в это время, площадь вокруг Христорождественского храма претерпела изменения в первые послереволюционные годы. Так, дом священника у «Старой церкви» занял Ревком, а здание церковно-приходской школы было отдано под библиотеку (составленную из книжных коллекций, отобранных у мест-

¹¹⁷ Акиндинов А. И. «Уварово в период гражданской войны. 1918–1921», машинопись // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971). Л. 9; Конец банды Колесникова // Заря коммунизма. 06.02.1968. № 16 (4798) (вырезка из газеты вклеена в рукописном книге-альбоме, посвященном 50-летию окончания Гражданской войны «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы» (1971)).

¹¹⁸ В воспоминаниях очевидцев событий разнятся даты. А. В. Ревелев называет 26 января, Мешков – 27 января 1921 года.

¹¹⁹ «Старой церковью» (в источниках – имя собственное, всегда записано с большой буквы) называют Христорождественский храм (возведен в 1840 году). В 1906 году в Уварове была построена вторая каменная церковь – Троицкая. См.: Уваровский округ. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. 1911 год. С. 332–333. <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=8711.340> (дата обращения 02.07.2020). По аналогии Троицкую церковь в народе стали называть «Новой». См.: Уварово. История старого центра. История культурных памятников Уварово. <https://uvarov0.livejournal.com/00209093.html> (дата обращения 15.01.2021).

¹²⁰ Ревелев В. А., организатор первого уваровского Народного дома, в 1919–1921 годах председатель Уваровского волисполкома, персональный пенсионер (Евдокимов А. В. Простая правда жизни. Т. 2. С. 207, 212).

¹²¹ Там же. С. 221.

¹²² Акиндинов А. И. «Уварово в период гражданской войны. 1918–1921», машинопись // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Уварово в период Гражданской войны 1919–1921 годы. Книга-альбом, посвященная 50-летию окончания Гражданской войны» (1971). Л. 8.

¹²³ Респондент В. А. Евдокимов (интервью взято 21.04.2018 в Тамбове) рассказал эпизод, связанный с мемориальными захоронениями Уварова. По его словам, в 1970-х годах при ремонте водопровода на территории разрушенной Троицкой церкви была обнаружена и вскрыта могила священника. Вскрытие проводилось в присутствии милиции, без огласки случая совершили перезахоронение рядом с прежним местом (в 1970-х годах А. В. Евдокимов – сотрудник Уваровского ОВД). Интервью доступно по адресу: <https://archive.warandpeasant.ru/documents/898aa363ef9a59eb68cb3e403b153ac5#> (дата обращения 15.01.2021).

¹²⁴ Там же.

ных помещиков и «торгашей»¹²⁵). Тем не менее в целом площадь продолжала существовать и восприниматься в своей дореволюционной роли – первый духовный центр, место памяти о выдающихся умерших¹²⁶.

Необычное на первый взгляд сочетание «красной панихиды» и церковного кладбища – не уникальный для Тамбовской области случай. По аналогии – на площади у сельской церкви – были захоронены убитые антоновцами милиционеры в селе Бондари (памятник на месте захоронения установлен в 1920-х годах, реконструирован в 2018 году¹²⁷), красноармейцы в Пахотном Углу (установлен новый памятник), красноармейцы и партийные активисты в Пановых Кустах (памятник установлен в послевоенные годы). Тем более революционные похороны на площади – не уникальный случай в масштабе страны и его можно рассматривать как подражание складывающемуся и претендующему на авторитет и каноничность столичному варианту мемориальной практики¹²⁸. С самых первых дней Советской республики пропаганда доносила до общества, что жертвенная смерть во имя идеи – возвышенное окончание жизненного пути строителя нового мира. Публичные похороны героев-жертв с массовыми демонстрациями и митингами прошли в столицах: в Москве были организованы братские могилы на Красной площади, в Петрограде – на Марсовом поле¹²⁹. Скромная братская могила в Тамбовской губернии вписывается в пафос советской мемориальной идеологии в точности так же, как и эти грандиозные захоронения в столицах: все они оказались в центре общественного пространства и своим присутствием должны были напоминать живым о трагедии прошлого и о жертве, принесенной во имя лучшей жизни¹³⁰.

В 1930-х годах облик Уварова заметно изменился, преобразилась и его центральная площадь со старой церковью и мемориальным кладбищем. Почти через 100 лет после постройки Христорождественского храма, в 1936 году, на площади появился символ новой эпохи – памятник В. И. Ленину. Разумеется, подобное соседство в некоторой степени противоречило идеологическим и визуальным канонам времени (хотя неоклассическая архитектура церкви хорошо вписывалась в эстетический канон большого стиля 1930-х). Дальнейшая история храма развивалась по типичному для культовых зданий сценарию: в 1937 году церковный приход был ликвидирован, а здание церкви отобрано для нужд села. В годы Великой Отечественной войны в нем была организована школа кинологов¹³¹, а после – Дом культуры. Фотография, относящаяся к 1940-м годам, наглядно показывает состояние здания в эти годы (<http://rozhdestvo.prihod.ru/aboutcategory/view/id/7064>). На фотоснимке мы видим восточную часть полуразрушенного храма, со стен сбита штукатурка, снесены купола, заложены окна. Достаточно хорошо просматривается территория рядом с храмом и участок земли, на котором в январе 1921 года были похоронены жертвы Антоновского восстания. Но какие-либо особые знаки, указывающие на

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Этим она сильно отличалась от «Базарной площади», принявшей функции административно-культурного центра советского Уварова. Бывшая чайная стала Народным домом с театральным залом – местом комсомольских собраний и организованного досуга, в добротном доме помещика Некрасова разместился волисполком, в доме братьев Иловайских, ведавших большой аптекой, – комитет бедноты, райком РКП(б) находился там же, в бывшем частном владении.

¹²⁷ В Тамбовской области открыли памятник милиционерам, которых убили земляки и бывшие сослуживцы // Комсомольская правда. 2018. 9 июня. <https://www.tambov.kp.ru/online/news/3141342/> (дата обращения 13.01.2021).

¹²⁸ О складывающейся советской погребальной обрядности см., например: *Лебина Н. А.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 202–206. Также см. главу 2 настоящей монографии.

¹²⁹ *Еремеева С. А.* «В вихре великом не стгнут бесследно»: новая смерть для борцов за новую жизнь // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 4 (4). С. 23–34.

¹³⁰ О советской политике памяти и ее влиянии на культуру погребения в регионах см. также: *Красильникова Е. И.* Казачье кладбище в Омске: преемственность традиций и советская политика памяти (конец 1919 – начало 1941 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 44–49; *Кирсанова Е. С.* Морское кладбище: о памяти и забвении // Известия Восточного института. 2019. № 3. С. 46–68.

¹³¹ С. К., м., 65 лет, г. Уварово Тамбовской области, 18.07.2020.

то, что в этом месте находится мемориальное захоронение местных героев Гражданской войны, отсутствуют. Нет ни сведений, ни свидетельств о том, что в эти годы сохранялась и поддерживалась особая коммеморация жертв налета антоновцев на Уварово в 1921 году и Гражданской войны в целом. Вся территория кладбища постепенно приходила в запустение, становясь, по воспоминаниям местного жителя и краеведа А. В. Евдокимова, привлекательным местом для игр школьников:

Это было старинное кладбище, здесь хоронили «сословных» людей. Учась в восьмом классе Уваровской средней школы № 3, иногда убегали с уроков, играли здесь в зарослях кустарников, встречали здесь могильные памятники, надгробья, плиты¹³².

Как жила память в довоенные и первые послевоенные годы, сегодня уже сложно реконструировать. Тех, кто мог бы рассказать об этом, уже нет в живых. Но, по имеющимся у нас сведениям, полученным от уваровских респондентов (детей и внуков участников событий), мы узнаем, что вслух заговорили об антоновщине в начале 1950-х годов.

ОБЕЛИСК НА ПЛОЩАДИ

Моими респондентами были местные жители – внуки очевидцев событий. В их рассказах о том, каким образом происходила передача памяти о Тамбовском крестьянском восстании в доперестроечные годы, присутствуют общие наблюдения. Например, оба рассказчика, фрагменты интервью с которыми приведены ниже, связывают отсутствие в 1940–1950-х годах коммеморативных практик и даже обсуждений на обыденном уровне событий тех лет с жесткой сталинской цензурой и репрессивной политикой, а последующую возможность делиться этими воспоминаниями – с изменением идеологического дискурса в «оттепельный» период.

Ответ: Вы знаете, в 53-м году умер Сталин. Наступило, там два года смутное время, а потом так называемая хрущевская оттепель. И люди стали посмелее. Грубо говоря, стали язык развязывать. А до этого, иногда вот так – говорят: «Закрой [рот], помалкивай». И нам, даже нам, детям, говорили: «Вы там лишнее не говорите».

Вопрос: Но ваше село было за красноармейцев?

Ответ: Да.

Вопрос: А почему же взрослые боялись говорить все равно об этом?

Ответ: Об антоновщине вообще не говорили. Вот в эти годы об антоновщине – официально как будто и не было. Это не существовало¹³³.

Другая собеседница в своих рассуждениях о причинах забвения Тамбовского восстания в прошлом также говорила о внушенном советской идеологической пропагандой страхе вспоминать и обсуждать эти события:

Вопрос: А бабушка вам не рассказывала? Она же, получается, все-таки застала крестьянскую войну?

¹³² Поделившийся с нами своими воспоминаниями Евдокимов А. В. указал на примечательные детали судьбы Уваровского мемориального кладбища, которые при отсутствии других сведений отчасти проливают свет на его историю. Мы узнаем, что кладбище сохраняло свою мемориальную функцию после революции. После исторических похорон в 1921 году по меньшей мере еще два раза «у церкви» проходили церемонии «почетных» погребений: в 1944 году здесь был похоронен старый большевик, революционер В. Р. Лазорин, а в 1947-м главный врач уваровской больницы Тафинцев (из интервью с А. В. Евдокимовым, взятого автором 10 июля 2020 года в Тамбове).

¹³³ Из интервью с А. В. Евдокимовым. 2018 года.

Ответ: Ну а как же, ну, я вам это и сказала, что... За косы тащили, ставили к стенке и... <...> когда только я была еще маленькая, об этом не говорили вообще, это было табу. Потому что сказать лишнее – это получить срок. Ну, как...

Вопрос: А за что?

Ответ: За слова. За недовольство, за неудовольствие. А если ты рассказал детям, дети же, они несмышленные, они с кем-то еще поделятся быстренько. Как говорят, сроки-то давали. Молчали абсолютно <...> И поэтому вот об этих вещах, что это там такое есть, вообще не говорили, как будто вот, как будто этого периода жизни и не было вообще. <...> Поэтому нет, вот эти вот воспоминания об этих делах... Всегда просто плакали горькими слезами об этой теме, это однозначно. А потом – Сталин был¹³⁴.

Рассказчица упоминала еще один фактор, способствующий активизации разговоров и обсуждению эпизодов замалчиваемого прошлого:

То есть, я вам еще раз говорю, уже начали говорить об этом. Вот я в 71-м году поступила в институт – начинали... Уже потом вот начали говорить об этом. Ну, потом уже было поздно в плане того, что они уже уходить начали все эти, вот.

Постепенно умирали прямые участники конфликта и очевидцы событий, которые, как было рассказано моими собеседниками, продолжали опасаться возмездия еще долгие годы после окончания восстания. И этот фактор – уход из жизни непосредственных носителей воспоминаний о крестьянском восстании, смена поколений, вместе с более или менее либеральным в это время отношением государства к проблемам прошлого, обусловили активизацию памяти о восстании. О том, какие формы коммеморативные практики, связанные с памятью об антоновщине, принимали в Уварове в эти годы, пойдет речь далее.

В середине 1960-х годов Уварово получило статус города. В это время в стране реализовывался масштабный государственный проект, направленный на развитие сельской культуры, бытовой жизни и градоустройства¹³⁵. Для Уварова это выразилось в двух преобразованиях. Христорождественский храм был переоборудован в Дом культуры, и, как следствие, подлежало ликвидации старое кладбище, до сих пор напоминавшее уваровцам о «бывших» людях. Так, пройдя необходимую с идеологической точки зрения модернизацию, уваровская площадь продолжила свою жизнь в новом культурном измерении. Выражение «пляска на костях» буквально отражало реальность этого места в те годы: в стенах дома культуры уваровцы проводили свой досуг, под сенью памятника вождю участвовали в торжественных митингах, могилы больше не напоминали о дореволюционном жизненном мире села – на их месте построили большую современную танцплощадку-амфитеатр и детский «городок». Место упокоения превратилось в пространство, где молодые жители села знакомились, общались, начинали романтические отношения, устраивали свою жизнь.

Но захоронения погибших в январе 1921 года коммунистов были сохранены. Приближалась целая череда круглых дат – 50-летие Октябрьской революции, юбилеи начала и окончания Гражданской войны¹³⁶. В Уварове эти праздники планировалось отметить широко. Осо-

¹³⁴ Фрагмент интервью с Н. В., ж., 65 лет, с. Старая Ольшанка, Уваровский район Тамбовской области, 06.05.2018.

¹³⁵ Лушикова Н. А. Социокультурное развитие советского села в 1965–1990 годах // Вестник Курганской ГСХА. 2012. № 4. С. 76–78.

¹³⁶ Как отмечает Е. И. Красильникова, советская историческая политика изначально была связана с культурными и градоустроительными преобразованиями, отношением государства к праздникам, памятным датам и выражалась в торжествах по их случаю. Источник: Красильникова Е. И. Казачье кладбище в Омске: преемственность традиций и советская политика памяти (конец 1919 – начало 1941 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 44–49.

бым актом внимания и почтения к прошлому должно было стать торжественное открытие памятного обелиска/стелы. Так было инициировано создание «величественного памятника» над братским захоронением погибших в борьбе с антоновщиной, создание которого обсуждалось еще в январе 1921 года.

Большую работу по сохранению памяти о революционном прошлом Уварова в 1960–1970-х годах провел краевед, редактор местной газеты А. И. Акиндинов. Он играл видную роль в просветительской и идеологической работе: был председателем районной организации общества «Знание», председателем Уваровского районного совета общества охраны памятников истории и культуры, писал исторические очерки в местные газеты, издал книгу об известных уваровцах¹³⁷.

Не будучи коренным уваровцем, А. И. Акиндинов заслужил среди местных авторитет главного знатока локальной истории. В понимании современных жителей Уварова, обелиск, установленный по инициативе А. И. Акиндинова над могилами жертв антоновщины в 1967 году, вполне достоверно представляет информацию о революционном прошлом их города: он установлен над братской могилой восемнадцати (по другой версии – двадцати) коммунистов, погибших в Уварове в дни противостояния «бандам» в конце января 1921 года, и именно их имена выбиты на мемориальной доске¹³⁸. Однако это представление не совсем соответствует действительности, что мы покажем далее.

В музее Уварова хранятся документы, которые позволяют подробнее рассмотреть историю принятия решения о создании монумента и содержании посвячительной надписи. Среди материалов, которые мы условно назвали «альбомы памяти», встречаются документы, возникшие в процессе создания обелиска в честь погибших за становление советской власти в Уварове. Речь идет об альбоме «Борьба за советскую власть в Уварове». Все материалы, вошедшие в альбом, были созданы спустя 50 лет после события, в них присутствуют ошибки и разночтения. Мы не можем говорить об этих документах как об источнике достаточно достоверной информации о прошлом времен Гражданской войны, но можем – как о комплексе материалов, отразивших специфику памяти об этом прошлом.

Первый документ, на котором мы остановим свое внимание, обозначен как «Список захороненных на Братском кладбище в Уварове» (далее – «Список захороненных...»). Неизвестно его точное происхождение, но некоторые его особенности (сведения оформлены в таблицу, данные структурированы, особенности авторского почерка) указывают на то, что его создателем мог быть А. И. Акиндинов. В список вошли десять фамилий, напротив каждой указаны год смерти и должность, которую занимал погибший при волостном управлении. Согласно этому документу, милиционер Знобищев Александр Поликарпович был убит «бандой» и захоронен на кладбище у церкви в 1920 году. Все остальные погибли в 1921 году. При этом только пятеро из них, исходя из воспоминаний участников подавления восстания, на которые опирался Акиндинов, были убиты во время январского вторжения повстанцев в Уварово.

«Список захороненных на братском кладбище Уварово. Участники становления Советской власти и гражданской войны в Уварове (погибших от рук врага)»¹³⁹:

¹³⁷ Уваровцы. Акиндинов Александр Иванович. Биография. <https://uvarov0.livejournal.com/299560.html> (дата обращения 14.05.2020).

¹³⁸ Этот тезис продолжает транслироваться в современных источниках: см., например: «Памятник жертвам Гражданской войны в г. Уварово (Тамбовская область)». <https://www.shukach.com/ru/node/59006> (дата обращения 14.05.2020); «Как Кузнецов и Исупова с мертвыми воевали». <https://uvarov0.livejournal.com/78336.html> (дата обращения 14.05.2020).

¹³⁹ Список составлен А. И. Акиндиновым на основе воспоминаний очевидцев и родственников погибших. Орфография, лексика, форма написания имен сохранены авторские (Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Борьба за Советскую власть в Уварове». 1967 год).

<i>Фамилия, имя, отчество</i>	<i>Должность</i>	<i>Когда погиб</i>
Знобищев Александр Поликарпович	Младший милиционер	1920
Кабаргин Мирон Леонтьевич	1-й председатель Уваровского волсовета	1921
Кабаргин Данил	Милиционер	1921
Кабаргин Гордей Егорович	Председатель Уваровского комбеда	1921
Мыльцин Василий Ильич	Комсомолец	1921
Нехорошев Захар Степанович	Делопроизводитель волвоискомата	1921
Пономарев Тимофей Лукич	Зав. отделом соцобеспечения ВЦК	1921
Рыжков Иван Корнесвич	Младший милиционер	1921
Рыжков Василий Федорович	Младший милиционер	1921
Солнцев Иван Сергеевич	Уполномоченный губисполкома	1921

Благодаря сохранившейся в историко-краеведческом музее Уварова переписке краеведа с уваровскими ветеранами Гражданской войны мы можем прояснить ряд вопросов, связанных с захоронением.

В 1966 году участник событий, персональный пенсионер В. А. Ревелев получил от создателей проекта обелиска список, в который были внесены имена двадцати двух погибших в годы подавления Антоновского мятежа в Уваровской волости. Старому большевику предстояло указать: кто, когда и где погиб и был похоронен. Ветеран отнесся к просьбе очень ответственно, ведь его данные, как следует из текста письма¹⁴⁰, планировали использовать для создания итогового списка имен на мемориальной доске обелиска. В. А. Ревелев даже организовал работу специальной «комиссии». Вместе со своими старыми соратниками, уваровскими ветеранами Гражданской войны (Грачевым и Сушковым) они обсуждали предложенный список и решали, «чьи имена следовало бы увековечить как погибших»¹⁴¹. По итогам работы «комиссии» в списке (далее – «Список ветеранов») из двадцати двух осталось пятнадцать имен. Это те участники событий, которые, как помнили ветераны, погибли в 1920–1921 годах в столкновениях с антоновцами. При этом «Список ветеранов» согласуется со «Списком захороненных в братской могиле» в отношении лишь трех фамилий. По воспоминаниям ветеранов, непосредственно у стен церкви были похоронены Мыльцин, Солнцев, Сушков, четвертая жертва, о которой они вспомнили, – Фетисов Илья, в «Списке захороненных...» отсутствует.

Кроме того, в письме, сопровождающем «Список ветеранов», упоминается важный эпизод. Ревелев вспомнил, что решение хоронить погибших у стен церкви встретило сопротивление семьи одного из ключевых персонажей революционной истории Уварова – первого председателя Уваровского волсовета М. Л. Кабаргина. Ветеран так описал этот сюжет:

¹⁴⁰ Письмо В. А. Ревелева от 15.10.1966 // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Гражданская война на Украине. Война с бандой Антонова на Тамбовщине. Встреча с великим Лениным». Л. 2.

¹⁴¹ Там же.

Кабаргин Мирон Леонтьевич. Все мы знаем, что погиб в банду – был зарублен. Где похоронили, мы не знаем. Я лично помню мы настаивали хоронить его у церкви, а родственники были против. Не знаю, кто победил, и где похоронен¹⁴².

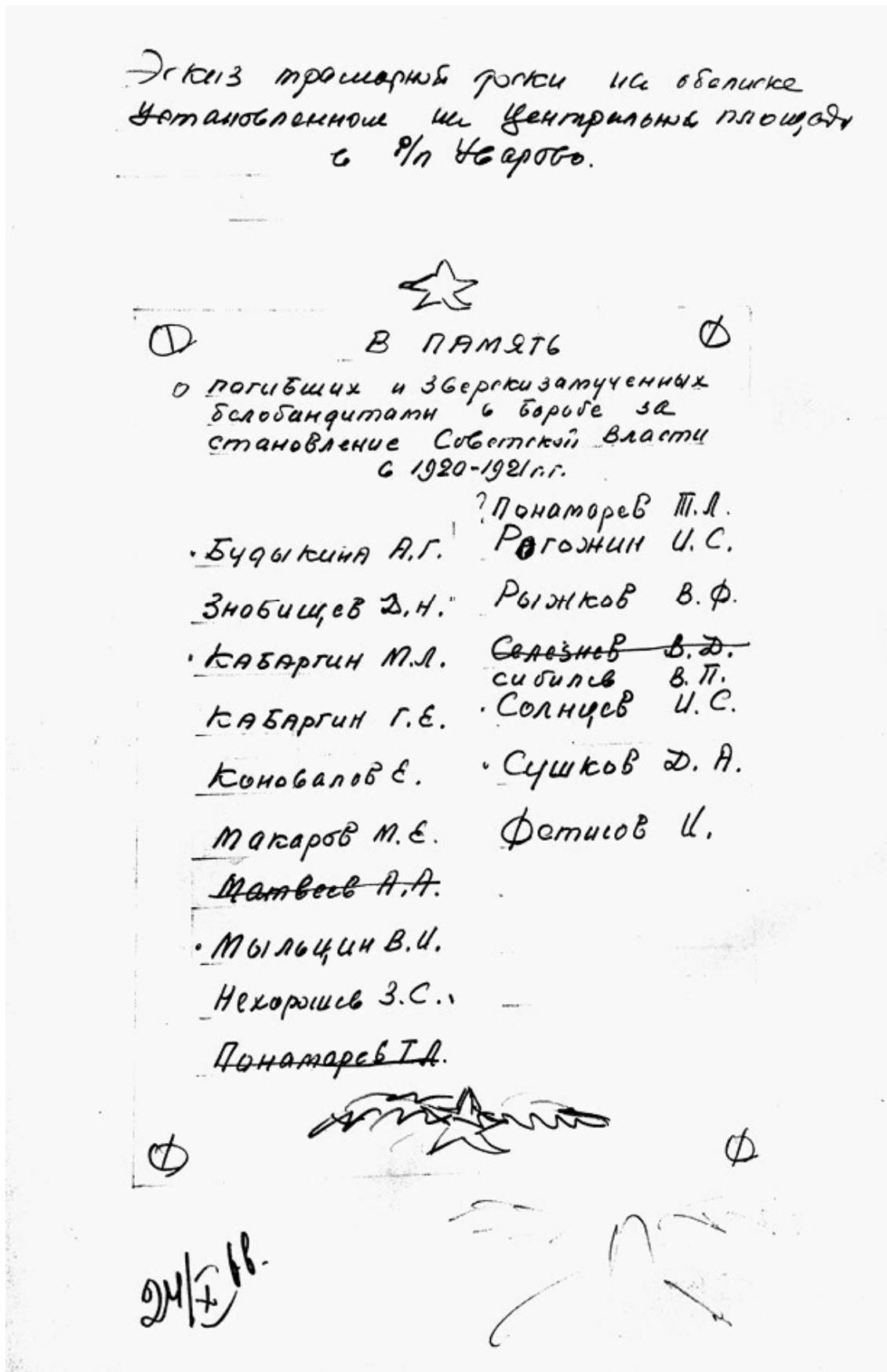
Неизвестно, в чем были причины противостояния семьи и партактива в вопросе похорон М. Л. Кабаргина. Возможно, «несознательные» родственники противились политизации похорон члена своей семьи и чести публичного поминовения предпочли для своего умершего «правильный» переход в мир иной – в соответствии с церковными обычаями и обрядами.

«Список ветеранов»¹⁴³ (по письму Ревелева В. А.):

<i>Фамилия, имя, отчество</i>	<i>Должность</i>	<i>Когда и при каких обстоятельствах погиб</i>	<i>Где похоронен</i>
Кабаргин Мирон Леонтьевич	Не указано	«Погиб в банду — был зарублен» в Уварове в январе 1921 года	Не помнят
Мыльцин Вася	Не указано	«Зарублен бандой на Сатиной плотине» в Уварове в 1921 году	На братском кладбище у «Старой церкви»
Макаров Михаил Егорович	Секретарь Березовского сельсовета	«Убит бандой в Березовке»	«Похоронен у церкви в Березовке»
Нехорошев Захар	Отряд по борьбе с дезертирством	«Зарублен бандой на реке Вороне около бетонного моста» в Уварове в январе 1921 года	Не помнят
Пономарев Тимофей Лукич	Отряд по борьбе с дезертирством, организатор комбеда	«Зарублен бандой» в Уварове в январе 1921 года	Не помнят
Сушков Дмитрий Алексеевич	Начальник отряда ЧОН	«После ранения умер в засаде» в Уварове в январе 1921 года	Не указано
Солнцев Ваня		«Убит после ранения бандой» в Уварове в январе 1921 года	«Похоронен у церкви на братском кладбище»
Рогожин И. С.	Председатель Верхнешибрийского сельсовета	«Убит бандой»	Не знают
Коновалов Е.	Председатель Красно-Хуторского сельсовета	«Убили банда» в Красном Хуторе	Не знают
Фетисов Илья	Красноармеец	«Убит бандой при 2м налете... был так изрублен, что его ели собрали. На половину был съеден собаками» в Уварове в январе 1921 года	«Похоронен в братской могиле» у церкви в Уварове
Будыкина Агафия Гуресвна	Женорганизатор	«Убита бандой» в Уварове в 1921 году	Не знают
Рыжков В. Ф.	Милиционер	«Убит в Алкаладке» осенью 1920 года	Не помнят
Знобищев Д. Н.	Милиционер	Так же	Так же
Гордей Николасвич (Егорович) Кабаргин	Не указано	«На Сатиновой плотине был повешен» в Уварове в январе 1921 года	Не указано

¹⁴² Письмо В. А. Ревелева от 15.10.1966 // Хранение МБУК «Историко-краеведческий музей» Уварово. Альбом «Гражданская война на Украине. Война с бандой Антонова на Тамбовщине. Встреча с великим Лениным». Л. 3.

¹⁴³ В таблице приводится список участников столкновений с антоновцами, утвержденный ветеранами Ревелевым, Сушковым, Гречевым, как действительно имевшими прямое отношение к событиям крестьянского восстания в Уваровской волости в 1920–1921 годах. В графах приводится прямое цитирование текста письма Ревелева В. А. (Л. 3–8), лексика, орфография и форма написания имен сохранены авторские.

Ил. 2. Эскиз памятной доски для обелиска/стелы, посвященной уваровцам, погибшим в годы Гражданской войны (БУК «Историко-краеведческий музей» г. Уварово. Альбом «Борьба за советскую власть в Уварове» (1967), сост. Акиндинов А. И. Без нумерации)

Другой документ, помогающий восстановить историю создания памятного места и памяти о событии, – это разработанный А. И. Акиндиновым «Эскиз мраморной доски на обелиске установленном на Центральной площади в р/п Уварово»: «В память погибших и зверски замученных белобандитами в борьбе за становление Советской власти в 1920–1921 г. г.» (см. ил. 2). Скорее всего, имеющийся эскиз не был итоговым вариантом и, судя по пометкам, редактировался после того, как было получено письмо В. А. Ревелева (в письме стоит дата его написания – 15 октября 1966 года, дата на эскизе – 24 октября 1966 года). В этом эскизе указано 17 фамилий. Среди них: Мирон Кабаргин, З. С. Нехорошев, Т. Л. Пономарев, Ваня Солнцев, Д. А. Сушков, И. Фетисов, Агафья Будыкина и В. И. Мыльцин – персонажи, известные нам по воспоминаниям о днях захвата Уварова антоновцами. Пять имен – Г. Е. Кабаргин, Е. Коновалов, Д. Н. Знобищев, И. С. Рогожин, В. Ф. Рыжков – также были подтверждены «списком ветеранов» как пострадавшие от рук антоновцев, но где их место захоронения, ветераны не знали.

Из эскиза было вычеркнуто имя А. А. Матвеева – ветераны не смогли его идентифицировать. Имя В. Д. Селезнева было вычеркнуто и заменено, а возможно, исправлено, как неверно записанное имя погибшего в 1920 году председателя Уваровского сельсовета В. П. Сибилева. По сведениям ветеранов, в братской могиле не был захоронен председатель Березовского сельсовета М. Е. Макаров, он погиб в Березовке и был похоронен там же, рядом с сельской церковью, но его имя все же сохранили в списке эскиза мемориальной доски. Выше было упомянуто о дискуссии между родственниками и товарищами о захоронении Мирона Кабаргина, которая дает повод усомниться в том, что итоговым местом его захоронения стала братская могила, но в эскизе его имя указано.

Теперь рассмотрим сам обелиск, в том его виде, в котором он существовал до 2009 года. Можно сравнить фотографии мемориала из книги А. И. Акиндинова¹⁴⁴ и цифровые фотографии обелиска и мемориальной доски, сделанные до 2009 года. По ним можно установить, что общий внешний облик мемориала не претерпевал существенных изменений. Это была побеленная (позже выкрашенная серебрянкой) колонна на покрашенном в бордовый цвет подиуме с черными ступеньками и массивной красной звездой в навершии. Территория «братской могилы» была ограждена по периметру невысокой изгородью.

При сравнении списков на эскизе мемориальной доски и фотографии доски на обелиске (см. выше) мы видим, что имя Е. Коновалова, «зарубленного» председателя Красно-Хуторского сельского совета, не попало на мемориал. Вместе с этим, согласно имеющейся у нас фотографии мемориальной доски, список увеличился на пять фамилий, которых не было в эскизе. Двое из них известны: это В. Я. Кузнецов и И. К. Рыжков – милиционеры, участвовавшие в подавлении Антоновского мятежа в Уваровской волости в 1920–1921 годах. Кем были М. Я. Зверев и Н. Я. Андрианов – выяснить не удалось. Также неизвестным осталось, при каких обстоятельствах и когда на доске появились эти четыре фамилии. История появления на мемориальной доске еще одного нового персонажа, Д. С. Федорченко, раскрывает интересный эпизод, связанный с развитием мемориала. По словам А. В. Евдокимова, имя Д. С. Федорченко решением горсовета было занесено на доску уже в 1980-х годах по просьбе директора школы при Восьмой исправительной колонии, заключенные которой помогали строить Уваровский химический завод. Как считает респондент, директор школы мог воспользоваться своим влиятельным положением и просить, чтобы на мемориале значилось имя этого человека, возможно его родственника, принимавшего участие в уваровских событиях в 1920–1921 годах. Но его имя не упоминается в имеющихся у нас источниках. Появление в списке фамилии Федорченко подтверждает, что семейная память о событиях восстания сохранялась в Тамбовской области и в 1980-х годах и стимулировала развитие коммеморации.

¹⁴⁴ Акиндинов А. И., Сьятко М. К. Город Уварово.

«Финальный список»: фамилии, размещенные на мемориальной доске обелиска 1960–1980-х годов:

<i>Фамилия, имя, отчество</i>	<i>Совпадение с другими списками</i>
Андрианов Н. Я.	Нет совпадений
Будыкина А. Г.	Совпадение со «Списком ветеранов», списком из «Эскиза мраморной доски на обелиске установленном на Центральной площади в р/п Уварово»
Знобищев А. П.	Совпадение со всеми списками
Зверев М. Я.	Нет совпадений
Кабаргин Г. Е.	Совпадение со всеми списками
Кабаргин М. Л.	Совпадение со всеми списками
Кузнецов Я. А.	Нет совпадений
Мыльцин В. И.	Совпадение со всеми списками
Макаров М. Е.	Совпадение со «Списком ветеранов», списком из «Эскиза мраморной доски на обелиске установленном на Центральной площади в р/п Уварово»
Нехорошев З. С.	Совпадение со всеми списками
Пономарев Т. Л.	Совпадение со всеми списками
Рыжков В. Ф.	Совпадение со всеми списками
Рыжков И. К.	Совпадение со «Списком захороненных на братском кладбище Уварово. Участники становления Советской власти и гражданской войны в Уварове (погибших от рук врага)»
Солнцев И. С.	Совпадение со всеми списками
Сушков Д. А.	Совпадение со «Списком ветеранов», списком из «Эскиза мраморной доски на обелиске установленном на Центральной площади в р/п Уварово»
Сибилев В. П.	Совпадение со списком из «Эскиза мраморной доски на обелиске установленном на Центральной площади в р/п Уварово»
Фетисов И.	Совпадение со «Списком ветеранов», списком из «Эскиза мраморной доски на обелиске установленном на Центральной площади в р/п Уварово»
Федорченко Д. С.	Нет совпадений

Суммируя, можно сделать вывод, что, хотя устроители планировали установить обелиск над реальной братской могилой, не все, кто был указан на нем, в действительности были погребены на этом месте и не все из списка были связаны с историей захвата села антоновцами. Происходящее можно описать как постепенное размывание границ сопричастности событию, которому был посвящен монумент.

Примечательными для понимания того, как формировался характер местных публичных коммемораций о событиях восстания, кажутся изменения, внесенные в формулировку над-

писи на обелиске. В эскизе мраморной доски, созданном Акиндиновым, конкретизировалось, какому событию посвящено это место: «В память о погибших и зверски замученных бело-бандитами в борьбе за становление Советской власти в 1920–1921 годах». Но на фотографии доски, сделанной до 2009 года, мы читаем другое название: «Памяти павшим за власть советов в Уварове (1918–1921 г. г.)». Отказ от текста посвящения, в котором упоминались события антоновщины и изменение хронологических рамок, можно рассматривать как попытку представить Тамбовское восстание не отдельным выступлением против советской власти, а одним из этапов Гражданской войны. Возможно, что новые фамилии: Андрианов, Зверев, Федорченко, о которых в доступных источниках нет сведений, могли не иметь прямого отношения к подавлению крестьянского мятежа в Уваровской волости, а быть местными жителями – участниками Гражданской войны.

Что касается практик памяти, сложившихся вокруг обелиска с момента его установления, то современные жители села говорят о том, что на важные политические праздники (7 ноября, 9 мая) к нему приносили цветы, но дополнительные ритуалы – вахты памяти и торжественные линейки не проводились. При этом местные жители могут указать другие места, на которых происходили знаковые (чаще всего трагические) события восстания, хотя там долго не было (а часто нет и сегодня) официальных монументов. Они были (и остаются) частью обжитого ландшафта. Например, место, где в январе 1921 года был казнен первый председатель Уваровского волсовета М. Л. Кабаргин (Сатинова плотина), находится недалеко от Христорождественского собора. Там, где, как считается, были зарублены крестьянскими мотыгами юные сторонники большевиков, местная молодежь в последующие годы играла в футбол. Лишь в 1988 году – к 70-летию создания комсомольской организации – на этом месте установили громадный гранитный памятник в форме пламени факела на подиуме. И на плотине купца Сатина, и на месте старых мельниц, где казнили комсомольцев, также планировали разбить памятные скверы, но до сих пор эти места остаются в запустении¹⁴⁵.

Сегодня в Уварове, как и в советское время, все памятные места, связанные с периодом Гражданской войны, ориентированы на фиксацию памяти сторонников советского режима. В краеведческом очерке А. В. Евдокимова, основанном на воспоминаниях В. А. Ревелева, упоминается, что верный идеям революции «народ» Уварова дал своему селу название «красное село»¹⁴⁶. Речь при этом шла не о «красное» в значении «красивое», а о политических симпатиях жителей села. Когда вспыхнуло Антоновское восстание, Уварово, как и другие крупные губернские села, например Рассказово, сохранило лояльное отношение к советской власти. Этим селам, развивающимся по городскому типу, не были слишком близки проблемы крестьянства, значительная часть которого выступала против радикальной продовольственной политики большевиков. При этом их деревни-спутники сочувствовали и даже полностью поддерживали восставших крестьян. В Уварове это была, например, Семеновка, в Рассказове – Хитрово.

На примере Уварова мы встречаем практику типирования населенных пунктов в зависимости от их позиции в восстании. Так, в нескольких километрах от Уварова («красного села») находилась Семеновка – «бандитское село». Даже спустя годы обитатели Семеновки вынуждены были нести бремя моральной ответственности за то, что поддержали «бандитские» выступления в прошлом: «прозвище» села стало устойчивым ментально-топонимическим стереотипом и еще долго напоминало окружающим о поступках связанных с этим местом людей – противников большевистской власти, «бандитов». Но если в случае Семеновки очевидно, что топоним-прозвище, в котором отразился идеологический штамп о повстанцах-бандитах, –

¹⁴⁵ В июле 2020 года памятник «Первым комсомольцам Уварово» был перенесен с исконного места и в отреставрированном и завершенном виде установлен в уваровском мемориальном комплексе «Победа».

¹⁴⁶ Евдокимов А. В. Простая правда жизни. С. 219.

конструкция противников восстания, то «красным селом» Уварово могли прозвать не только стремившиеся утвердить свою политическую идентичность жители села, но и встретившие здесь сильное сопротивление антоновцы:

И сами антоновцы, между прочим, называли Уварово «красным селом». Вдумайтесь в это слово: «красное село» <...> Уварово, было «красным селом» в том плане, что оно достаточно активно поддерживало советскую власть, было к ней абсолютно лояльно. Многие наши земляки работали в Москве или вот в Петрограде были, прошли революцию. Поэтому вот с точки зрения надежности по отношению к советской власти его и называли «красным селом»¹⁴⁷.

Краевед А. В. Евдокимов также утверждает, что эти прозвища, возникшие в прошлом как определители территорий своих/чужих, прижились в коллективном обыденном употреблении:

Вот просто я слышал, что иногда вот в нашем поселке говорили: «А! Семеновка, это – „бандитское село“». И это произносилось, ну, как укор, как недостаток¹⁴⁸.

Важно, что здесь речь идет о воспроизводившемся долгое время (в том числе по воспоминаниям части современных жителей) представлении о «красном селе» как части локальной идентичности.

Только уже в послеперестроечный период пробольшевистская позиция в Гражданской войне перестала звучать как однозначно положительная характеристика. А вместе с этим и памятные знаки, посвященные сторонникам советской власти, хотя и оставались частью сельского ландшафта, но потеряли свою роль как символы официальной идеологии. На примере уваровского мемориала мы имеем возможность видеть один из вариантов переосмысления подобных памятных знаков в новых условиях, когда общенациональные рамки памяти существенно поменялись.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ. «ПАМЯТНИК АРХАНГЕЛУ МИХАИЛУ»

В начале 1990-х годов Христорождественскому храму, у стен которого находилось братское захоронение, был возвращен его исторический статус. Первый молебен в возрождающемся храме был проведен в 1994 году на Рождество 7 января. Площадь вернулась к состоянию, в котором она была в 1920–1930-х годах, когда на ней соседствовали православный храм, памятник Ленину и захоронения героев-коммунистов.

Поначалу ни официальный возврат к религиозным традициям, ни утверждение новых демократических идей, ни демонтаж Советского государства никак не отразились на присутствии на центральной площади Уварова обелиска с красной звездой. Изменения произошли лишь в 2000-х¹⁴⁹. В 2009 году обелиск в честь погибших за становление советской власти в Уварове был реконструирован в «Стелу Единства», или «памятник архангелу Михаилу».

Некоторые наши собеседники рассказали об известных им деталях переустройства мемориального пространства. По словам информантов, пожелавших остаться неизвестными, местные жители по-разному восприняли эти изменения, и вокруг памятника разразился конфликт,

¹⁴⁷ В. Л., м., 66 лет, г. Уварово Тамбовской области, 01.05.2018.

¹⁴⁸ Фрагмент интервью с А. В. Евдокимовым 2018 года.

¹⁴⁹ О состоянии памяти об антоновщине в Тамбовской области в наши дни см.: Головашина О. В. «В борьбе обретешь ты память свою»: Антоновщина в представлениях современных тамбовчан // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 305–319.

который пришлось разбирать в судебном порядке. Как считается, инициатива преобразования памятника целиком исходила от местных органов власти и была поддержана духовенством. Но в версии, озвученной на страницах газеты «Уваровская жизнь», активистами развития мемориального пространства в XXI веке названо местное религиозное сообщество – приходжане Христорождественского храма. Согласно тексту статьи, инициативу верующих поддержали подавляющее большинство участвовавших в обсуждении проекта организаций и депутатская комиссия¹⁵⁰. Противниками новшеств стали ветераны Великой Отечественной войны и некоторые известные жители города. Сегодня доступным источником, отразившим конфликт вокруг уваровского обелиска, стал интернет-ресурс «UVAROVOJOURNAL. Уваров об Уварово». Создатель альтернативного СМИ о жизни и истории Уварова скрупулезно систематизировал и представил материалы: фотографии газетных заметок, материалы судопроизводства, собственные размышления о происходивших прениях вокруг мемориала на центральной городской площади. Одним из выразительных материалов стали опубликованные создателем портала тексты комментариев, взятые им со страниц интернет-форума телеканала «5-tv». Так, комментируя запись ток-шоу «История: руками не трогать» (телеканал «5-tv»), уваровский экс-градоначальник В. М. Ражев указал на недопустимость «переписывания истории» и привел в пример случай с обелиском:

...в России УНИЧТОЖАЮТСЯ памятники истории и объекты культурного наследия <...> В моем городке Уварово, Тамбовской области, уничтожили памятник «Павшим в боях за Власть Советов в Уварово 1918–1921 г.», установленный на месте захоронения 18 красноармейцев и отражающий исторические события 90-летней давности. Срезали с памятника «Красную звезду», с постамента сорвали доску памяти с именами Героев?! Назвали, свои «вандалские действия», «видоизменением памятника». <...> А вместо доски памяти Героям, установили доску «жертвам», цинично, причислив к ним Героев!!!... <...> Исполнителем выступил глава города, а идеологом архиепископ Тамбовский и Мичуринский...¹⁵¹

Таким образом, в конфликте за жизнь старого памятника четко выделились две противоборствующих стороны: новые администраторы, участники возрождения приходской жизни и жители, чей жизненный опыт был тесно связан с советским прошлым Уварова. Кроме того, для некоторых людей это место оставалось могилкой их предков, поэтому, как мы узнаем из текста статьи из «Уваровской жизни», в ходе обсуждений было уделено внимание и семейной памяти:

Свое мнение высказали и потомки и родственники тех, чей прах покоится под обелиском или рядом с ним: внучка М. А. Кабаргина, проживающая в Санкт-Петербурге, Т. И. Куницина, сестра покоящейся в этом месте Д. И. Сатиной (захоронение в районе обелиска, примеч. мое. – Е. М.), Т. С. Усова, внучка И. С. Солнцева, племянник В. П. Знобищева В. Янков. Они – за установку на месте обелиска Архангела Михаила в виде памятника всем, кто погиб в 1918–1921 годах, а также всем жертвам Гражданской войны¹⁵².

¹⁵⁰ Фотография заметки из газеты «Уваровская жизнь» о видоизменении обелиска в память о погибших в годы Гражданской войны // Публикация «Как Кузнецов и Исупова с мертвыми воевали» (02.12.2009). <https://uvarov0.livejournal.com/78336.html> (дата обращения 15.08.2020).

¹⁵¹ Текст комментария Ражева М. В. приведен в публикации «Обсуждение надругательства над местами захоронения в Уварово на телевидении 5-tv» (04.12.2009). <https://uvarov0.livejournal.com/268505.html> (дата обращения 20.01.2021).

¹⁵² Фотография заметки из газеты «Уваровская жизнь» о видоизменении обелиска в память о погибших в годы Гражданской войны // Публикация «Как Кузнецов и Исупова с мертвыми воевали. Надругательство над могилами – символ объединения и примирения. Или как Кузнецов и Исупова с мертвыми воевали» (02.12.2009). <https://>

Таким образом, легитимность обновленному дискурсу памяти должно было придать мнение потомков местных большевиков, убитых антоновцами. Участие в этом обсуждении потомков с «другой стороны» не подразумевалось.

По задумке, новый памятник должен был символизировать общую скорбь живых по жертвам братоубийственной войны, признание их страданий равноценными, символическое примирение сторон конфликта. Несогласные с этим новым прочтением пытались обжаловать решение Уваровского городского совета народных депутатов по видоизменению памятника в Тамбовском областном суде в 2010–2011 годах (дело: 33-307 ч/ж), но жалобы не были удовлетворены¹⁵³.

Новый образ памятника приведен в соответствие с идеями религиозного возрождения: на месте красной звезды (сейчас эта часть обелиска хранится в запасниках Уваровского краеведческого музея) была установлена скульптура архангела Михаила с крестом и мечом в руках. Изменилось послание и текст мемориальной доски. Вместо прежней надписи «Павшим за становление Советской власти в 1918–1921 гг.» сегодня можно прочесть «В память погибшим в 1918–1921 г. А также всем жертвам Гражданской войны». Список из восемнадцати имен оставлен без изменений. Текст сопровождается строками из стихотворения М. Волошина «А я молюсь за тех и за других... Всех убиенных помяни Россия», на отдельной доске выгравирован тропарь архистратигу Михаилу.

Вместе с новым образом обелиска возникли и новые местные практики поминовения. Ниже приведено одно из типичных для части жителей села высказывание о новом обелиске:

В силу того, что пересмотрели позицию революции, Гражданской войны и так далее, был создан памятник Архангелу Михаилу. Переосмысление. Это было белое пятно истории. В том смысле, что Гражданская война – это братоубийственная война. В принципе, это скорбь. Что действительно, единственное, что может примирить все народы, это вот чувство единения, чувство то, которое должно объединять всех людей, это вера в светлое, это вера в то, что нас что-то должно общее объединять. Само слово вера, то есть религия, святыня, вера и так далее, и рядом Христорождественский храм. И это вот, это стела объединения, единения. Мы всегда вот, когда День единения, у нас там проходит вначале... Да, это у нас уже традиция города. У нас проходит служба. Сразу же после службы весь народ выходит, подходим к этому памятнику¹⁵⁴.

Но молебен у обелиска архангела Михаила лишь часть поминальной практики. Молитвенное стояние продолжается крестным ходом до мемориального комплекса «Победа», посвященного погибшим в Великой Отечественной войне уваровцам. В День народного единства в провинциальном городке в рамках одного коммеморативного мероприятия объединяется память о воинах, погибших в совершенно разных по характеру военных конфликтах. В обобщающем дискурсе памятования присутствует скорбь о жертвах братоубийственной и межнациональной войн. И молебен, и крестный ход обеспечивают и идейное, и пространственное слияние двух воинских мемориалов.

uvarov0.livejournal.com/78336.html (дата обращения 15.08.2020).

¹⁵³ Материал кассационного определения по заявлению Ражева М. В. «о признании незаконным решения Уваровского городского Совета народных депутатов *** от 25.11.2009 г. „Об обращении прихожан Христорождественского храма г. Уварово с инициативой по видоизменению обелиска в память о погибших в годы гражданской войны“» (дата опубликования 11.02.2011). <http://old.судебные.решения.рф/bsr/case/76465> (дата обращения 13.08.2020).

¹⁵⁴ Н. К., ж., 58 лет, г. Уварово Тамбовской области, 03.05.2018.

С такими действиями связана особенность, замеченная в полевой работе: о новых практиках поминовения нам рассказывали исключительно женщины. «Женское» восприятие этих практик ярко раскрылось при обсуждении с группой сотрудниц уваровской библиотеки:

Участница 1: Не только День единства. Это же еще и этот самый, как это праздник-то... иконы Казанской Божьей Матери, это праздник. Поэтому люди идут в храм, на службу, а потом уже все и выходят сюда на Крестный ход. Ну, конечно, наверное, дань памяти есть, когда вот там проводится молебен, люди молятся, люди стоят службу, все это. Но в основном, мне кажется, что все-таки...

Участница 2: Основная масса, конечно, идет по религиозным...

Участница 3: Это не то, что там небольшая, у нас приличная такая [процессия] идет, очень быстро идет, и как-то это... Все мы уже забыли, первомайских праздников нет у нас, все это, поэтому колонной пройти как бы, сообщество почувствовать.

Участница 3: Понимаете как, вот мы по этому сообществу соскучились. Потому что мы в нем выросли и нам его не хватает. Демонстраций-то нет. Раньше на демонстрации, праздник был, собирались, шли, вот. Сейчас нет. После праздников этих было всегда настроение, очень долго было настроение¹⁵⁵.

Мероприятия становятся возможностью проявить религиозность и патриотизм и одновременно ощутить солидарность с другими, стать частью «сообщества». А с учетом однообразия городского досуга – еще и вырваться из повседневной рутины в атмосферу праздника. Впрочем, мы должны учитывать и влияние социального статуса респонденток. Об этих коммеморациях с охотой рассказали работницы системы образования и сферы культуры – учительница и библиотекари – бюджетники, в неофициально предписанную общественную нагрузку которых входит участие в поддержанных администрацией города акциях и мероприятиях.

«ЧУВСТВО ТО, КОТОРОЕ ДОЛЖНО ОБЪЕДИНЯТЬ ВСЕХ ЛЮДЕЙ»

Даже спустя столетие после этапных для провинциального Уварова событий (дней столкновения уваровцев с повстанцами А. С. Антонова) память о них остается важным ресурсом для сохранения образа героического прошлого города и для консолидации местного сообщества.

Место группового захоронения сторонников большевиков в центре села с самого начала оказалось в центре формирующихся советских коммеморативных практик. Как мы помним, идея «красных» похорон не была поддержана родственниками одного из ключевых персонажей революционной истории Уварова – погибшего первого председателя Уваровского волисполкома. Этот конфликт интересов показывает, что новые ритуалы и способы поминовения в эти дни только начинали формироваться и не были однозначно приняты членами общества. При этом очевидно, что уваровские сторонники новой власти при выборе ритуала похорон героев опирались не столько на формирующуюся модель советской коммеморации, сколько на существующую и плотно вплетенную в ткань повседневности села традицию. Общепризнанным центром поминовения был некрополь Христорождественского собора, ставший местом упокоения важных и значимых жителей Уварова еще в дореволюционное время. К кругу этих почетных людей теперь были причислены новые герои, подвиг которых аргументировался заслугами в системе новых ценностей – смертью за «светлое будущее». Сочетание новой формы революционной панихиды (с принесением клятв, обетом отмщения) и старого

¹⁵⁵ Интервью с работниками МБУК Центральная библиотечная система г. Уварово, г. Уварово Тамбовской области, 03.05.2018.

места захоронения указывает на то, что советский язык мемориальной культуры еще только обретал свое специфическое звучание.

За непосредственным периодом военного противостояния во время восстания и похорон погибших у Христорождественского храма наступает время ослабления символической значимости захоронения. Вероятно, тут играет роль острота пережитого насилия и отсутствие консенсуса между жителями села. Можно предположить и существование отдельной линии раскола в восприятии событий восстания, в числе прочего между более урбанизированным Первым Уваровом и фактически крестьянским Вторым Уваровом. Правда, источники не позволяют нам проверить это предположение в достаточной степени – послереволюционный период становится во многих смыслах именно периодом молчания. Характерно, что символической доминантой площади становится при этом памятник Ленину, а мемориал погибшим местным жителям так и не появляется.

Постсталинский период, по свидетельствам жителей Уварова, становится временем возобновления публичных разговоров о погибших во время восстания. Разумеется, обсуждение прошлого происходило в рамках памяти, заданных наследниками победителей. Территория у храма, в это время переустроенного в Дом культуры, с одной стороны, частично была занята новыми объектами (танцплощадка-амфитеатр, детский «городок»), а с другой – стала местом мемориала погибшим коммунистам.

Созданный мемориал – стела над могилами погибших за становление советской власти – вполне вписался в общий ландшафт «центрального» места, но при этом не был пространством заметных коммемораций – скорее знаком «красного села» и местом перечисления имен погибших граждан. Десятилетия молчания сделали свое дело, и для большинства современников сами имена захороненных на этом месте, как и погибших непосредственно при взятии Уварова, уже не были очевидны. Показательно, сколь явно уже в это время размываются границы связи монумента с конкретным событием в прошлом. Не только потому, что имена действительно захороненных сложно точно установить, но и потому, что довольно быстро появилась (и как минимум частично реализовалась) идея «вписать» на монумент дополнительные имена. Ко всему прочему сюжет с вписыванием нового имени выявляет влияние местных элит на состояние и развитие памяти в период застоя: упомянутым в списке героев, «по просьбе» влиятельного функционера, мог быть персонаж, не связанный с общеизвестной историей революционного Уварова. Даже изменение хронологической рамки в надписи (вместо «1920–1921» – «1918–1921») не только скрывает локальное событие восстания, но и создает расширенную рамку коммеморации. Стеле приписывается роль символа всех большевиков и сочувствующих, которые погибли в революционную эпоху.

Наконец, в постсоветский период вновь происходит существенное реструктурирование места захоронения и изменение ритуалов, связанных с ним. При этом, превратившись в «памятник архангелу Михаилу», стела стремится не столько низвергнуть большевистских героев-жертв, сколько включить их в хронологически и тематически расширяющийся контекст поминовения. Современный ритуал поминовения, приуроченный ко Дню всенародного единства, начинается с молебна у «памятника архангелу Михаилу», продолжается крестным ходом-«демонстрацией» и завершается митингом у мемориального комплекса «Победа». Тем самым все отчетливее проявляется объединяющая коммеморация погибших в совершенно разных войнах и в разные эпохи.

Ил. 3. Скульптура архангела Михаила у Христорождественского собора. 2022 г. Автор скульптуры Виктор Остриков. Фото Е. Мироновой

На примере одного городского объекта мы можем увидеть динамику развития представлений о Тамбовском крестьянском восстании и специфику практик его поминовения. Характер этой динамики проявлялся в частичном переосмыслении местной традиции почетных захоронений и колебался от установки на забвение до попыток поименного сохранения памяти о героях/жертвах. В наши дни «стела единства» представляет местным жителям новое, «примирительное» прочтение трагических событий 100-летней давности. Нынешний монумент про-

должает тенденцию к расширению хронологического контекста поминовения. Память о красноармейцах, погибших во время крестьянского восстания, не только расширена за счет памяти всех жертв Гражданской войны, но и стала памятью о всех жертвах этого конфликта, и более того – герои и жертвы войны Гражданской все более отчетливо соединяются в коммеморациях с погибшими во время Великой Отечественной войны.

*Ил. 4. Территория вокруг Христорождественского собора после реконструкции. 2022 г.
Фото Е. Мироновой*

ГЛАВА 3. ПОХОРОНЫ РЕВОЛЮЦИИ: МЕМОРИАЛЬНЫЕ КЛАДБИЩА 1920-Х ГОДОВ¹⁵⁶ Память о революционной эпохе в пространстве большевистских некрополей

Соколова А. Д.

После революции 1917 года одной из важнейших задач, вставших перед большевиками, стала задача формирования нового пространства смыслов и символов, преобразование капиталистической страны в витрину социалистической революции. Несомненно, важнейшей частью этой работы стал ленинский план монументальной пропаганды: на смену монументальным символам прошлой эпохи должны были прийти символы, прочно утверждавшие наступление новой. Повсеместно создавались и новые памятники, закреплявшие символическое значение событий недавнего прошлого. Одной из их форм стали революционные некрополи, возникавшие даже в самых небольших поселениях страны.

Появление новых революционных некрополей было связано с новым похоронным ритуалом, который берет свое начало в похоронах революционеров XIX века. События 1917 года и победа большевиков способствовали институционализации новой формы похорон и обрядности. Красные похороны, организованные комсомолом и ячейками РКП по всей стране, воспроизводили все основные черты старых революционных похорон. Красные гробы, ленты и флаги, оружейные залпы и речи на могиле – все это подчеркивало преемственность этой практики с похоронами значимых деятелей революционного движения в прошлом. Слова похоронного гимна «Вы жертвою пали в борьбе роковой» свидетельствовали о том, что революционная борьба продолжается и те, кого хоронят сегодня, – ее новые жертвы. В небольших, особенно деревенских сообществах красные похороны для немногочисленных партийных ячеек были также важным способом мирно говорить о своих идеалах, предлагать альтернативную традиционной картину жизни. В то же время для самих большевиков это было одним из способов конструирования собственной новой идентичности, новой советской субъективности.

После революции похороны стали одной из частей новой антиклерикальной коммунистической обрядности. Первые опыты «коммунистического ритуала» носили стихийный характер. Однако уже к концу Гражданской войны сформировались основные сценарии так называемых красных крестин, красных свадеб и красных похорон¹⁵⁷. В 1920-х годах идея новой обрядности (равно как и праздничной культуры) становится частью государственных агитационных кампаний по атеистической пропаганде и движения за новый быт. Обряды становятся своеобразной демаркационной линией между старым и новым миром, что хорошо бросается в глаза в публицистике того времени¹⁵⁸. Кроме того, новые обряды имели важнейшее политическое значение, поскольку каждый такой эпизод являлся перформативным актом, утверждавшим ростки новой жизни в старом мире.

¹⁵⁶ Эта глава подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

¹⁵⁷ См. описание одного из первых зафиксированных случаев так называемых красных крестин, или октябрин, произошедших в 1923 году в Серове: *Брудный В. И.* Обряды вчера и сегодня. М.: Наука, 1968. С. 69–70. Хороший пример стихийного характера «красных» обрядов дает также статья: *Маслитская С. Г.* «По-пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // *Живая старина*. 2012. № 3. С. 49–52.

¹⁵⁸ См., например: *Голубых М.* Очерки глухой деревни. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 10–12.

ОБРЯД КРАСНЫХ ПОХОРОН

Судя по газетным публикациям того времени, каждый случай коммунистических похорон воспринимался местными сообществами как событие резонансное. Красные похороны собирали большое количество любопытных¹⁵⁹ – вплоть до нескольких тысяч человек¹⁶⁰, «пришедших посмотреть, как коммунисты хоронят своих товарищей без попа и заунывного пения, без кутьи, поминок и плакальщиц»¹⁶¹. В похоронах принимали участие не только жители того населенного пункта, где жил умерший (часто – рабочие-сослуживцы с фабрики или завода), но и жители окрестных деревень¹⁶². Среди них были как идейно близкие (рабочие, комсомольцы, коммунисты), так и простые крестьяне¹⁶³ и беспартийные рабочие¹⁶⁴, «и не только что молодежь, но и мужики, и бабы все пошли, даже старухи и те пошли смотреть»¹⁶⁵. Корреспонденты часто отмечали, что число участников и зрителей похорон превышало число людей в церкви даже на самые большие религиозные праздники – на Крещение¹⁶⁶ и Пасху¹⁶⁷.

Организаторами красных похорон чаще всего выступали комсомольцы¹⁶⁸, реже – местная ячейка партии¹⁶⁹. Также к участию в похоронах могли привлекать военные оркестры¹⁷⁰. Подготовка к похоронам начиналась заранее. Активисты готовили знамена¹⁷¹, разучивали похоронные марши и «на флаг нашивали черный материал – в честь траура»¹⁷². В назначенный час организаторы собирались в помещении Союза молодежи¹⁷³ или у дома умершего¹⁷⁴. В доме у гроба покойного стоял почетный караул¹⁷⁵.

Церемония представляла собой торжественное шествие на кладбище. «Впереди шли музыканты, потом комсомольцы несли красный гроб, и за телом шли комсомольцы и коммунисты с флагами»¹⁷⁶. Революционные песни¹⁷⁷ и похоронный марш¹⁷⁸ перемежались с торжественной музыкой в исполнении оркестра¹⁷⁹. Кульминацией и наиболее значимой частью похорон была так называемая гражданская панихида – торжественно-траурные речи о жизненном

¹⁵⁹ Комсомолец. Впервые без попа // Безбожник у станка. 1924. № 4. С. 22.

¹⁶⁰ Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля. С. 4; Похороны коммуниста // Призыв. 1920. № 38 (191). 2 сентября. С. 4.

¹⁶¹ Похороны коммуниста...

¹⁶² Там же; Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3; *Мушин В. А.* Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926.

¹⁶³ Похороны коммуниста...

¹⁶⁴ Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля.

¹⁶⁵ *Мушин В. А.* Указ. соч. С. 43–45.

¹⁶⁶ Комсомольские похороны // Новь. 1924. № 6. 11 апреля. С. 3.

¹⁶⁷ *Мушин В. А.* Указ. соч. С. 43–45.

¹⁶⁸ Без попов // Красная молодежь. 1920. № 21 (44). 21 сентября. С. 3; «Товарищ Коля». Мы чтим память павших // Смена. 1923. 12 июня. С. 5; Комсомольские похороны...; *Мушин В. А.* Указ. соч.; Похороны коммуниста...

¹⁶⁹ Похороны коммуниста...

¹⁷⁰ *Мушин В. А.* Указ. соч. С. 43–45.

¹⁷¹ Без попов...

¹⁷² *Мушин В. А.* Указ. соч. С. 43–45.

¹⁷³ Без попов...

¹⁷⁴ Похороны коммуниста...

¹⁷⁵ Комсомольские похороны...

¹⁷⁶ *Мушин В. А.* Указ. соч. С. 43–45.

¹⁷⁷ Без попов...

¹⁷⁸ Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля; Похороны коммуниста...

¹⁷⁹ Похороны коммуниста...; Без попов...

пути умершего. Чаще всего она происходила на кладбище у могилы¹⁸⁰, но могла дополняться речами у дома покойного¹⁸¹ или у клуба¹⁸². Гроб опускали в могилу под оружейные залпы и звуки оркестра¹⁸³. Присутствовала непреходящая революционная символика – гроб красного цвета¹⁸⁴, красные повязки на рукаве, красные флаги. Несомненно, символичным являлось не только место захоронения, но и остановка траурного поезда у сельского клуба. Обратный путь с кладбища мог также проходить в форме строевого марша под музыку¹⁸⁵.

Место захоронения могло быть связано с конкретными обстоятельствами похорон и/или особенностями личности и биографии умершего. В обычной ситуации хоронили, как правило, на кладбище. Однако в случае похорон людей, которых можно было отнести к категории «новых героев», память о которых необходимо увековечить, а самим похоронам придать «большое общественное значение», захоронение могло быть перенесено в не совсем обычное пространство. Например, во владимирской газете «Смена» упомянуто захоронение в парке имени 20-летнего юбилея РКП(б)¹⁸⁶. Коммунистов, комсомольцев, красноармейцев, погибших в столкновениях с различными антибольшевистскими силами, будь то отдельные эпизоды Гражданской войны, крестьянские восстания или какие-то локальные выступления, хоронили в значимых публичных пространствах – в центре села или деревни, у школы, сельсовета или иного важного общественного места. В будущем вокруг этого захоронения-памятника зачастую формировалось рекреационное пространство советского типа – парк культуры, центральная площадь и т. д. Так или иначе, эти захоронения надолго сохранялись в местном символическом ландшафте.

В некоторых публикациях описывается и «заочный» ритуал. В этом случае также проводилась гражданская панихида, произносились памятные речи¹⁸⁷ и пелся похоронный марш¹⁸⁸. Смерть товарищей могла стать поводом к добровольному пожертвованию на увековечение памяти погибших¹⁸⁹.

ВОСПРИЯТИЕ КРАСНЫХ ПОХОРОН

Новый ритуал резко контрастировал с традиционными похоронами: «Все было для крестьян ново и ошеломляюще»¹⁹⁰. Красные похороны, по-видимому, действительно производили сильное впечатление на окружающих: «Никогда я не видывала ничего такого интересного, как на этот раз, когда музыка заиграла, – я даже испугалась, – так громко и хорошо, что все оцепенели. <...> Когда пришли домой, то только и разговора было, что про похороны. Все пять верст только и говорили об этом»¹⁹¹.

Впечатление, несомненно, усиливалось из-за отсутствия на похоронах духовенства: «Бабы – те говорят, что всем хороши коммунистические похороны, только одним плохи –

¹⁸⁰ Там же; *Мушин В. А.* Указ. соч. С. 43–45.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Комсомолец. Впервые без попа // *Безбожник у станка.* 1924. № 4. С. 22.

¹⁸³ Там же; *Комсомольские похороны...*

¹⁸⁴ Ж. Влад. Елена Прямилова // *Смена.* 1923. 22 апреля. С. 4; *Комсомолец. Впервые без попа...*; *Мишин.* На смерть товарища // *Безбожник у станка.* 1923. № 3. С. 14; *Комсомольские похороны...*

¹⁸⁵ *Комсомольские похороны...*

¹⁸⁶ Ж. Влад. Елена Прямилова // *Смена.* 1923. 22 апреля.

¹⁸⁷ «Товарищ Коля». Мы чтим память павших...

¹⁸⁸ Памяти погибших // *Призыв.* 1920. № 42 (195). 7 сентября. С. 2; *Михаил рабочий. Везде бы так // Призыв.* 1920. № 92 (244). 5 ноября. С. 3; «Товарищ Коля». Мы чтим память павших...

¹⁸⁹ Памяти погибших...

¹⁹⁰ *Комсомольские похороны...*

¹⁹¹ *Мушин В. А.* Указ. соч. С. 43–45.

батюшки нет! Если бы был батюшка, то кажись все стали бы хоронить как Ваганову жену. Мне самой эти похороны понравились куда лучше, чем по-церковному. Там батюшка гнусавит себе что-то под нос, и не разберешь ничего интересного; заруют в землю, с тем и конец, а так, как коммунистов хоронят, и умереть не страшно и приятно»¹⁹².

Зачастую новый похоронный обряд четко разделял деревенское общество на два лагеря – стариков и баб, все еще увлеченных поповским дурманом, и молодежь, которая приходит к выводу, «что с музыкой лучше, чем с попом»¹⁹³. Тем важнее были для агитаторов обратные примеры, такие как 65-летний крестьянин Г. В. Блохин, принесший председателю волисполкома заявление «Запиши в книге, чтоб в случае моей смерти меня родственники без попа хоронили. На родственников и не смотрите, они еще в поповской обман верят»¹⁹⁴.

Несмотря на то что авторы газетных заметок стараются нарисовать как можно более широкий круг лиц, похороненных по новому обряду, – это не только коммунисты и комсомольцы, но и дети, и старики, и беспартийные, и рабочие, и крестьяне, – красные похороны все же оставались политической манифестацией крайне узкого круга коммунистической молодежи и в 1920-х годах широкого распространения не получили¹⁹⁵.

По газетным заметкам, красные похороны устраивались преимущественно для представителей идеологизированных групп – комсомольцев¹⁹⁶, коммунистов¹⁹⁷ или членов их семей¹⁹⁸. Анализ дневниковых записей 1920-х годов также свидетельствует о том, что подавляющее большинство упоминаний о красных похоронах вне зависимости от личной оценки автора относится к случаям погребения лиц с активной политической позицией. Активные коммунисты – партийцы, комсомольцы, пионеры – составляли небольшую прослойку в обществе 1920-х годов. Их число в деревенском обществе было особенно невелико, хотя и имело тенденцию к увеличению. В 1922 году по всей стране насчитывалось лишь 11 200 партийных ячеек, в которых состояло 110 тысяч членов и кандидатов в члены партии. К 1923 году число ячеек увеличилось до 12 тысяч, а число членов и кандидатов в члены партии до 280 тысяч человек¹⁹⁹ (согласно переписи населения 1926 года, в СССР проживало 147 миллионов человек). По всей видимости, реальная степень распространения красных обрядов соотносима со средним числом «революционной молодежи» в Советской России того времени.

Распространение «красной обрядности» среди населения позволяет оценить статистика по Тамбовской губернии. По данным Губернской рабоче-крестьянской инспекции за 1924 год, в Рассказовской волости было зафиксировано 7 случаев гражданских похорон, 2 – октябрин, 13 – рождений без крещения, 2 комсомольские свадьбы, 30 случаев свадеб без венчания. За I квартал 1927 года во всей губернии в целом было зафиксировано 13 октябрин, 35 красных свадеб и 9 гражданских похорон²⁰⁰. Для сравнения – согласно переписи населения 1926 года,

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Комсомольские похороны...

¹⁹⁴ Горький А. Молодым пример // Безбожник у станка. 1924. № 9. С. 18.

¹⁹⁵ А. К. Байбурин также расценивает реальную распространенность «красных обрядов» как крайне низкую. См.: Байбурин А. К. Советские обряды и ритуал торжественного вручения паспорта // Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова. Санкт-Петербург, 14–17 сентября 2009 г. / Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 411.

¹⁹⁶ Без попов...: Ж. Влад. Елена Прямилова // Смена. 1923. 22 апреля; «Товарищ Коля». Мы чтим память павших...; Комсомольские похороны...

¹⁹⁷ Похороны коммуниста...

¹⁹⁸ Мушин В. А. Указ. соч. С. 43–45.

¹⁹⁹ Большаков А. М. Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Л.: Прибой, 1925. С. 101–103.

²⁰⁰ Безгин В. Б. Старый и новый быт в традиционной крестьянской культуре (советская доколхозная деревня) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.): Сб. научных статей. Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г. Р. Державина, 1998. Вып. 2. С. 143.

в губернии проживало чуть более 2,7 миллиона человек, в том числе 2,4 миллиона сельского населения²⁰¹. Показательно, что статистика по Москве за 1925–1926 годы разительно отличается: «На всю Москву в 1925 г. из 66.541 (общее число зарегистрированных актов гражданского состояния за год в городе. – А. С.) приходится 34.791 (52,3%) актов, освященных религией, и 31.750 (47,7%) – безбожных. В 1926 г. соотношение таково: из 74.092 (100%) церковных приходится – 36.523 (49,3%) и безбожных, уже больше, – 37.506 (50,7%)»²⁰². Автор очерка отдельно приводит статистику по религиозным и безрелигиозным похоронам: в 1925 году «без церковного погребения обошлись» 39,9%, а в 1926-м – 40,4%²⁰³.

Как следует интерпретировать эту статистику? Означают ли эти цифры, что попытка создать и распространить новую обрядность провалилась? И предполагалось ли вообще ее распространение за пределами круга «настоящих коммунистов»? Некоторые факты говорят в пользу того, что данные практики изначально воспринимались как элитарные, уместные только для «прошедших обращение» – настоящих коммунистов. Но такой подход разделяли не все. В 1923 году в газете «Безбожник у станка» была опубликована серия заметок. Первая из них – письмо П. Я. Хлынова, атеиста из Московской губернии, в котором рассказывается об отказе местной ячейки партии участвовать в организации и проведении гражданских похорон его беспартийного соседа-атеиста. В результате сосед был похоронен «с попами». Корреспондент «Безбожника у станка» считает, что местная ячейка партии поступила неверно, отказавшись участвовать в похоронах беспартийного «хотя бы с целью агитации», поскольку «партия должна бы помочь, должна научить, как обходиться без попов во всех таких случаях»²⁰⁴. Спустя несколько номеров журнал опубликовал ответное письмо, в котором говорилось, что «ячейка отказ мотивировала тем, что „гражданские похороны не должны теперь быть редкостью“. Может быть и „не должны“, но надо считаться с фактами: в деревне они, все-таки, редкость»²⁰⁵. Корреспондент, подписавшийся как Городской, считает решительно неверным отказ ячейки партии от участия в похоронах, поскольку «нужно пользоваться всяким случаем и поводом, чтобы убеждать крестьянство в бесполезности, ненужности поповского участия в жизни и смерти и в прочих делах. Надо отказаться от излишней „застенчивости“, надо действовать по своей инициативе. Тогда гражданские похороны, действительно, не будут редкостью, а паразиты-агенты небесных царей – лишены будут возможности вытряхивать у бедняков, порой, последние крохи»²⁰⁶.

Гражданские красные похороны были распространены мало и большей частью среди активных коммунистов – членов партии, комсомола или пионерского движения²⁰⁷. Более того, коммунистические активисты не стремились к экспансии данной практики за пределы своей узкой группы. Это свидетельство того, что красные похороны (и красная обрядность в целом) представляли собой в 1920-х годах специфическую большевистскую практику, которая имела особое значение, выходящее за пределы собственно похорон.

²⁰¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1927–1929. В 10 т. Вып. 3: Население СССР. М., 1927. С. 49.

²⁰² Лебедев В. Верующая Москва // Безбожник. 1927. № 10. С. 4.

²⁰³ Лебедев В. Верующая Москва // Безбожник. 1927. № 10. С. 4.

²⁰⁴ Гражданские похороны. (Письмо из деревни) // Безбожник у станка. 1923. № 3. С. 14.

²⁰⁵ Городской. Еще о гражданских похоронах // Безбожник у станка. 1923. № 6. С. 19.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ См. также: Тульцева Л. А. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения // Советская этнография. 1979. № 4. С. 43–57 (здесь с. 50).

«КРАСНЫЕ» МОГИЛЫ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Новое видение человека и конечности его существования, лежащее в основании коммунистических ритуалов, порождает и другую коллизию. Если с физической жизнью человека его бытие полностью прекращается, под вопросом оказывается не только необходимость ритуала похорон как таковая, но и необходимость могилы. Имеют ли хоть какой-то смысл ее поддержание и посещение? Будет ли иметь какое-то значение индивидуальное захоронение в общинном мире будущего или коммунистические некрополи должны образовать некое общее место памяти, важное для потомков? Вопрос о том, как следует обращаться с революционными захоронениями, был неизмеримо более сложным и многомерным, чем вопрос о том, каковы должны быть практики обращения с мертвыми телами и обряды. Ведь обряд – это то, что происходит здесь и сейчас, а коммунистические площадки и другие захоронения останутся надолго, переживут переходный период и продолжают существовать в мире будущего.

В сентябре 1924 года на дереве внутри коммунистического квартала Ваганьковского кладбища появился наивный и слегка нескладный «стихотворный набросок» рабочего Мухина:

Братьям на встречу...

На братских могилах растет пустота,
В изделиях видно, одна простота;
И частные лица срывавшие зло
Топчат могилки чтоб их не было
Стараясь изделать могилки в равнину,
Думая этим открыть их вину;
В камне сорвали укрепленный портрет,
А кто все проделал виновного нет.
Вам пролетария слово скажу...
Как видеть невежу сейчас укажу;
Идешь сбок могилки, братьев своих,
Увидишь сидящих злодеев на них;
Гони без оглядки... чтоб не было духа;
вот чем окончится эта разруха

—
К вам приходящие,
Кто станет читать:
Коммунисты, молящие
Прошу не срывать²⁰⁸.

Сообщение народовольца Коронина на заседании Общества старых большевиков в сентябре 1924 года также ставит вопрос о состоянии «дорогих могил». Кокорин начинает свое выступление с того, что говорит о политической значимости революционного некрополя:

Что же может сказать и рассказать наше молодое поколение при виде разрушаемых скромных могил революционеров. Какой урок оно извлечет из создаваемого вандализма, основанного при явном

²⁰⁸ ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 637. Л. 3.

попустительстве кладбищенской администрации и духовенства, враждебно настроенного против коммунистов. И не в праве ли оно, это поколение, послать нам горьчайший упрек – и справедливый упрек – в небрежении «коммунистического пантеона». Этим вынужденным выступлением, предисловием, я подчеркиваю психологическую ценность погребенных здесь революционеров²⁰⁹.

Он детально описывает состояние «коммунистического квартала» и те угрозы, которым подвержены захоронения:

На нем два ряда могил – это песчаные сыпучие холмики, без дерна, без каких-либо по бокам заграждений, вроде досок, без надписей; просто оголенные холмики, не могущие противостоять погоде, а тем более человеческой ноге, старательно утрамбовывающей могилы. Все совершается просто – хоронят, кладут цветы, венки – и этим заканчивается весь ритуал, а с ним и оканчивается дальнейшее внимание. О надзоре – никакого понятия, как будто не существует вражеского «кладбищенского» фронта, а между тем, могилы в окружении хулиганов и их родителей. Все, что приносится на могилы, постепенно исчезает или превращается в жалкие остатки²¹⁰.

При этом, по словам Коронина, такому разрушению подвергаются лишь коммунистические захоронения:

По словам завсегдаев кладбища, похищения венков, портретов и пр. происходит только на могилах «коммунистического квартала»; между тем, тысячи венков и других украшений православного культа, не малой ценности, крепко сохраняются и оберегаются кладбищенской администрацией. Следовательно, только этот «квартал» является, так сказать объектом местного хулиганства. И скорбно было слушать оброненное обывателем погоста слово: «Это – коммунисты». Значит, допустимо тайное оскорбление могил. Прислужники, сидящие у дверей конторы, недалеко ушли от кладбищенских бандитов и явно выражают озлобление: «Так, мол, и надо»: Из ряда могил – скоро могил десять совершенно исчезнут. При каждом погребении сотни людей, не подлежащих процессии, взбираются на могилы, мнут их, песок осыпается и могилы оседают; при этом могилы уничтожаются погодой, а осенние дожди dokonчат разрушение. Что же нужно сделать, чтобы сохранить дорогие нам могилы? Как нужно уничтожить хулиганство у могил, – чтобы не было тайного огрубления, – чтобы все было в целостности и сохранилось не дни, а годы²¹¹.

В описании Коронина коммунистический квартал предстает настоящим полем сражения на «кладбищенском фронте» между «озлобленным» и «извращенным» сознанием и «дорогими могилами» «коммунистического пантеона». Он становится не только местом декларации новых смыслов, но и местом сопротивления, столкновения старого мира и нового. Но важнее другое. И в пламенной речи Коронина, и в нескладном стихе Мухина могилы революционеров в первую очередь брошены своими же соратниками. В противовес остальным могилам, которые навещают родственники (представители старого мира), о «дорогих могилах» «коммунистического пантеона» должны заботиться не «частные лица», а «братья», «наше революционное молодое поколение». Могилы революционеров и коммунистов перестают быть инди-

²⁰⁹ ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 637. Л. 5, 5 об.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 637. Л. 5, 5 об.

видуальными захоронениями и становятся коллективным локусом, олицетворяющим победу нового мира над старым. Кладбище с индивидуальными захоронениями – это отживший институт, один из элементов в череде пережитков, от которых нужно избавиться. Неудивительно, что в восприятии Коронина «обыватели погоста» – это старые люди, представители прежнего мира, вступающие с большевиками в конфронтацию. Эту карту разыгрывает не только Общество старых большевиков. В 1926 году, настаивая на скорейшем приведении в порядок кладбищ, Московское бюро краеведения направляет в Москомхоз Моссовета письмо, в котором подчеркивает удручающее состояние могил революционеров. Через призыв привести в порядок эти могилы краеведы надеются благоустроить все кладбища города, но терпят поражение – ценность могил революционеров невозможно было экстраполировать на общее состояние «старорежимных» кладбищ²¹².

Большевицкие некрополи – часть коллективистской повестки молодого Советского государства. В отличие от традиционных могил эти захоронения неиндивидуализированны, на них нет отдельных имен, дат жизни или портретов. Более того, они не представляют собой сумму индивидуальных захоронений, в них покоятся не отдельные люди, а символическая часть нового мира, который через эти локусы получает путь в жизнь. Поэтому на таких площадках так много коллективных захоронений людей, объединенных общим событием смерти, – «кремлевцы», «двинцы» и «самокатчики» – группы участников вооруженных столкновений в Москве в октябре 1917 года, захороненные у Кремлевской стены. Порой на таких захоронениях вообще нет имен, только причина или цель их общей героической смерти – «[Памятник] красным курсантам школы ВЦИК РСФСР, погибшим в борьбе за установление Советской власти» (Тамбовская область, Жердевский район, д. Колобова).

Раз эти захоронения теряют индивидуальность, то забота о них становится делом партии. Настоящий, правильный коммунист, вступивший в партию и зарекомендовавший себя в борьбе за прекрасное будущее, должен быть захоронен коллективно, и это не предусматривало индивидуального переживания, связанного с памятью. По этой причине должна была быть выработана общая моргальная и мемориальная политика, призванная не сохранять кладбище как институт, а создать систему коллективной памяти, поддерживающей и воспроизводящей ряды партийцев. Дальнейшее развитие показало, что такого рода подход привел к тотальной деградации кладбищ, которые, как семантический моргальный локус, уступили место отдельным коллективным мемориалам. Так, могилы Неизвестного солдата в чистом виде выражали идею коллективизма и отказ от индивидуальности – один солдат, не носящий имени, олицетворял всех погибших, его могила создавала коллективное место памяти, индивидуализация которой не имела никакого смысла.

²¹² ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 652. Л. 112–112 об.

Часть II. Память и тексты

ГЛАВА 4. НОВОРУСАНОВО: СВОИ²¹³ Память о Тамбовском восстании и о коммуне «Дача»

Ломакин Н. А.

В главе пойдет речь о селе Новорусаново, находящемся в Жердевском районе Тамбовской области. В контексте Гражданской войны и крестьянских выступлений начала 1920-х годов история и настоящее села весьма необычны. Во-первых, в 1920–1921 годах Новорусаново оставалось оплотом коммунистической сельскохозяйственной артели, противостоящей окрестным крестьянам (восставшим или нет). Во-вторых, это противостояние и ранние годы артели (а затем коммуны) «Дача» были увековечены в воспоминаниях одного из организаторов артели. Эти воспоминания так и не были изданы сколь-нибудь заметным тиражом, не лежат в государственном архиве и потому известны только дюжине-другой людей, в основном жителей села или выходцев из него. Третья особенность села лежит в сфере современной памяти о событиях начала 1920-х, и к ней мы вернемся в конце статьи.

Я рассмотрю особенности различных форм памяти о Тамбовском восстании (письменной мемуарной, монументальной и устной) и их взаимодействие в Новорусанове и окрестных селах Жердевского района²¹⁴.

ПАВЛОВСКОЕ, КОНДОИЛОВКА, НОВОРУСАНОВО

Село Новорусаново расположено на границе двух областей – Тамбовской и Воронежской. С момента основания в 1798 году село²¹⁵ находилось в стороне от крупных трактов. В нескольких километрах от него проходил Астраханский почтовый тракт, а единственная местная железная дорога Грязи–Борисоглебск, пущенная в 1869 году, также обошла село стороной²¹⁶. Не изменилась ситуация и сейчас. С районным центром, городом Жердевкой, село связывает прямая, но тупиковая дорога.

Одной из главных причин определенной изоляции Новорусанова местные жители и краеведы считают особенности его возникновения. Село было основано фактически приказом императора Павла I, выделившего дворянину Григорию Павловичу Кондоиди (1754–1817), сыну известного акушера Павла Захаровича Кондоиди (1710–1760), участок земли в Тамбовской губернии и в придачу к нему 627 душ из соседнего села Русаново²¹⁷. Выселенные из Русанова²¹⁸ крестьяне заложили Павловское у подножия холма, на котором расположилась усадьба.

²¹³ Работа над этой коллективной монографией выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

²¹⁴ Глава основана на результатах работы проекта «После бунта» и, в частности, поездки в Жердевский район Тамбовской области в мае 2018 года. Архив собранных интервью в значительной части опубликован на сайте <http://warandpeasant.ru> (дата обращения 07.04.2021).

²¹⁵ Сенатский архив. Именные указы Императора Павла. СПб., 1888. Указы от 27 января, 17 марта 1798. С. 345, 365. Скан доступен по адресу: <https://www.prlib.ru/item/444148> (дата обращения 07.04.2021).

²¹⁶ Краснов В. А. Дворянская усадьба (имения Г. В. Кондоиди, с. Новорусаново) // Жердевские новости. 2011. № 47. 13 июня. <http://sharkino.ru/chitalnya/208/8134-4197> (дата обращения 07.04.2021).

²¹⁷ Сенатский архив. Именные указы Императора Павла. СПб., 1888. Указы от 27 января, 17 марта 1798. С. 345, 365. Скан доступен по адресу: <https://www.prlib.ru/item/444148> (дата обращения 07.04.2021).

²¹⁸ Граница, отделившая Новорусаново от «метрополии» – села Русаново Новохоперского района Воронежской области, была проведена недавно. До 1924 года обе родственные деревни находились в пределах Русановской волости Там-

На картах XIX и начала XX века²¹⁹ в списках населенных мест село (или сельцо) фигурирует под двумя названиями – Павловское и Ново-Русаново. Неофициальное название в честь владельцев усадьбы – Кондоиловка, – по всей видимости, также восходит к XIX веку.

Семья Кондоиди в основном проживала в Санкт-Петербурге и нечасто посещала усадьбу. Однако дворяне были заинтересованы в сохранении изоляции села. Так, по мнению местных жителей, крюк железной дороги в сторону села Бурнак и Жердевки объясняется именно тем, что помещики не хотели шумного строительства рядом с их землями. Оставаясь в стороне от крупных дорог, усадьба сохраняла статус одного из центров дворянской жизни округа²²⁰.

Занимавшиеся историей усадьбы исследователи (В. А. Кученкова²²¹ и В. А. Краснов) отмечали, что к моменту революций 1917 года в имение входили многочисленные хозяйственные и досуговые постройки, помещикам принадлежали лес и луга. Последний из наследников дворянского рода, Григорий Владимирович Кондоиди, прожил в усадьбе до 1922 года, хотя основная часть имущества к тому времени уже давно была конфискована и стала основой для формирования совхоза, а после – коммуны «Дача» и колхоза имени Калинина. В самом сельце на 1914 год проживали 1489 человек, из общественных зданий в нем располагались «земская школа и экономия генерала Кондоиди»²²².

Революция открыла новую страницу истории деревни. Помимо разграбления усадьбы, о котором сокрушаются краеведы, жители Кондоиловки стали свидетелями появления новых соседей – социалистической артели «Дача». Организаторами артели были вернувшиеся с фронта в 1918 году красноармейцы и представители нескольких новорусановских семей. Земля, скот и деньги были предоставлены государством – для создания, как позже напишет о них писатель Ф. И. Панферов²²³, «маяка коммуны» в тамбовской глуши. Имея в составе несколько семей, артель «Дача» была типичным примером подобного рода объединений²²⁴. После завершения Тамбовского восстания артельщики заселяют земли бывшего имения Кондоиди и преобразуют свое предприятие в коммуну (1922). Колонизация бывшего имения вызвала серьезный конфликт в артели, в результате которого четыре семьи покинули сообщество и основали альтернативное хозяйство – «Дачу-2», которая просуществовала еще несколько лет. «Дача-1», в свою очередь, почти сразу заявила о себе как об одной из самых успешных коммун Тамбовской губернии. Уже в 1923 году коммуна становится призером Всесоюзной сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставки в Москве. Призом стал трактор «Фордзон» – первый в окрестностях. В 1930 году коммуну «Дача» навещает сам М. И. Калинин.

бовской губернии. Административная реформа, которая превратила Тамбовскую губернию из главной житницы России в одну из рядовых управленческих единиц средней полосы, последовала за подавлением Антоновского восстания и, как убеждены большинство исследователей, прямо с ним связана. Историю административных реформ 1920-х можно проследить по: Государственный архив Тамбовской области. Путеводитель. Тамбов, 2006. <https://tambovarchiv.ru/sites/default/files/file-page/rutevoditel-gato.pdf>; Сенатский архив. Именные указы Императора Павла. СПб., 1888. Указ от 17 марта 1798. Скан доступен по адресу <https://forum.vgd.ru/file.php?fid=537373&key=1678541128> (дата обращения 07.04.2021).

²¹⁹ Ср.: Топографический межевой атлас Тамбовской губернии. Составлен в 1860 году чинами Межевого Корпуса под руководством генерал-лейтенанта Менде. М., 1862 и Карта Тамбовской губернии. Масштаб 20 верст в дюйме. 1911. Обе карты доступны на сервисах <http://www.etomesto.ru> и <http://retromap.ru/> (дата обращения 07.04.2021).

²²⁰ См.: Краснов В. А. Дворянская усадьба (имения Г. В. Кондоиди, с. Новорусаново) // Жердевские новости. 2011. № 47. 13 июня. <http://shapkino.ru/chitalnya/208/8134-4197> (дата обращения 07.04.2021).

²²¹ Кученкова В. А. Усадьбы Тамбовской губернии. Тамбов, 2008.

²²² Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. Тамбов, 1914. С. 206–207. <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=5083> (дата обращения 07.04.2021).

²²³ Первые черновики его «Коммуны „Дача“» или «Сквозь огненные трубы» относятся к периоду до 1925 года и хранятся в: РГАЛИ. Ф. 1128. Оп. 1. Ед. хр. 268.

²²⁴ Бищенко А. А. Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего кооперативного института в 1923 году. М., 1924; К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918) / Вступ. ст. Т. Зеленова // Красный архив. 1940. Т. 4. С. 122–147. https://istmat.info/files/uploads/31362/krasnyu_arhiv_101-1940.pdf (дата обращения 07.04.2021); Дюран Д. Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010.

Коммуна – с ее высоким статусом в советской системе – стала своего рода социальным лифтом для многих ее членов, что (наряду с определенной обособленностью коммуны от остального села) способствовало сохранению идентичности «старых коммунаров» на протяжении поколений. Старожилы вспоминают о юбилее коммуны (вероятнее всего, 1968 года), на который приехали выходцы из коммуны из самых разных мест²²⁵. В конце 1980-х сын одного из организаторов коммуны взывал к «старым коммунарам» – и нашел отклик, экземпляры книги хранятся в нескольких новорусановских семьях, ее содержание хорошо известно.

До середины XX века коммуна существует обособленно от основного населения Новорусанова. Коммунары жили отдельно на территории бывшего имения Кондоиди. Приток людей в коммуны, по всей видимости, осуществлялся из других деревень и городов в большей степени, чем из Новорусанова. В воспоминаниях современных новорусановцев сохранились следы разделения между семьями из села и коммунаров. Отдельным было, разумеется, и хозяйство. Таким образом, создание в 1934 году колхоза на базе коммуны и его расширение на все село стали своего рода искусственным соединением тех частей сельского населения, которые не очень-то желали этого. Неполный успех этого воссоединения косвенно подтверждают воспоминания старожилов – вплоть до 1960-х годов разделение на коммунаров и сельских жителей продолжало ощущаться.

Современное Новорусаново не очень похоже на окрестные жердевские деревни и села, возникшие до революции. Необычны регулярная планировка, столь контрастирующая с соседними Сукмановкой и Бурнаком, и сохраняющееся и поныне разделение села на две части – собственно Новорусаново и «Дачу» (или коммуны). Первая – деревня с прямыми широкими улицами, сходящимися к зданию церкви (бывший клуб). Здесь расположен и административный центр села: двухэтажное кирпичное здание, где разместились сельсовет, школа и библиотека. Рядом с ним находится самый новый и ухоженный памятник села – участникам Великой Отечественной. Местных жителей хоронят на окраине, на небольшом и довольно запущенном кладбище.

Вторая часть села – прямая противоположность первой. «Коммуна», или «Дача», расположена на лесистом холме над основным селом. Здесь широкие дороги уступают место узким грунтовкам и тропкам. Фрагменты усадебного и коммунарского хозяйства скорее угадываются – это бывший пруд, бывшая аллея. Все капитальные постройки усадьбы были разрушены в 1960–1970-х годах, с тех пор место использовалось для романтических прогулок и праздничных посиделок. Вдоль дорог можно обнаружить относительно ухоженные могилы, символическим центром пространства является недавно обновленный обелиск советского времени. Едва различимая под несколькими слоями краски посвятельная надпись сообщает о том, что установлен он в память об основателях коммуны «Дача».

РУКОПИСЬ

В селах Жердевского района главными центрами сохранения знаний об истории места являются школьные библиотеки. Новорусановская библиотека не является исключением. Именно здесь читатель в составе традиционной подборки книг по истории села обнаружит потрепанный, со следами правок, фолиант – воспоминания о ранних годах артели и коммуны «Дача». Мне доподлинно известно лишь о трех экземплярах этого сочинения. Один из них хранится в библиотеке Новорусанова, другой – в администрации Жердевского района, третий

²²⁵ Один из наиболее ярких примеров – семья партийного деятеля Нины Васильевны Поповой и агронома Андрея Семеновича Шамшина, об участии в делах колхоза которых вспоминают в Новорусанове до сих пор. О семье Н. В. Поповой см.: *Борисова Н.* Жизнь как созидание // Подъем: Ежемесячный литературно-художественный журнал. 2008. № 5. <http://www.pereplet.ru/podiem/n5-08/Boris.shtml> (дата обращения 07.04.2021).

– у родственников одного из моих респондентов в Тамбове²²⁶. Отпечатанная на машинке новорусановская рукопись несет на себе следы обильной уточняющей правки, вероятно (но вовсе необязательно) авторской. Существование других экземпляров было подтверждено информантами, но ознакомиться с ними не удалось.

На обложке книги стоит дата создания (1987) и автор (Б. И. Кузнецов). Эти выходные данные в достаточной степени условны. Ознакомившись с введением, читатель узнает, что кандидат исторических наук Б. И. Кузнецов²²⁷ – это лишь составитель книги. Журналист и военный историк, в середине 1980-х он взялся за публикацию воспоминаний своего отца – одного из основателей коммуны Ивана Васильевича Кузнецова.

Публикацию книги составитель приурочил к юбилейной дате: «В 1988 году исполняется 70 лет со дня создания (июнь 1918) артели, затем коммуны „Дача“, – ныне колхоз имени М. И. Калинина Жердевского района Тамбовской области» (с. 2)²²⁸

²²⁶ Еще один обладатель рукописи выдал себя в комментариях на генеалогическом форуме forum.vgd.ru, однако никаких подробностей об этом экземпляре или себе не оставил.

²²⁷ Борис Иванович Кузнецов (1914/1915–2008) – советский журналист и военный историк. Ветеран Великой Отечественной войны, после возвращения в мирную жизнь возглавил журнал «За рулем» (1956–1961/62). В 1980-х годах он работал в Институте военной истории (ныне Научно-исследовательский институт военной истории при Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ).

²²⁸ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию «Коммуна „Дача“». К истории колхоза им. М. И. Калинина. Воспоминания, документы, материалы / Сост. Б. И. Кузнецов. [На правах рукописи]. Б. м., 1987. В скобках указана страница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.